

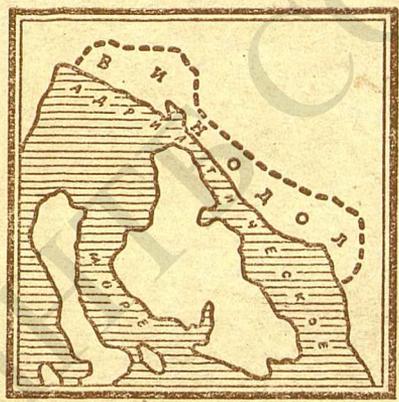
УСТ
9
Г.80

+

421

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б. Д. ГРЕКОВ
1
ВИНОДОЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Биб-ка ИВ Устинова

Б. Д. ГРЕКОВ

ВИНОДОЛЬСКИЙ СТАТУТ
ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ
И ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ
ВИНОДОЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

Сверено
1991 г.

Сверено
с фондом

ГПНТБ СО АН СССР
Г.с. публ. научно-
техническая библиотека

Уетн,
9
Г. 80

4724^S
64.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Славяне начали проникать на Балканский полуостров давно; трудно сказать, с какого именно времени. Но мы имеем все основания утверждать, что в VI в. нашей эры они уже прочно здесь утвердились.

Помогли этому успеху не только организованность военных предприятий славян, не только их умение воевать, личная доблесть и выносливость, о которых так ясно говорили византийские писатели, но и сочувствие народных масс той державы, с которой славяне вступили в борьбу.

Славяне шли на штурм рабовладельческого общества, видя в нем исконного своего врага, готового в любой момент свободного и свободолюбивого славянина превратить в раба, шли при полном сочувствии угнетенных классов рабовладельческой Римской империи.

Победителями в этой грандиозной борьбе оказались народы, стоящие на более низкой по сравнению с Римом ступени развития, но они были сильны своим общинным строем, который влек к себе простых людей Римского государства.

Мы не можем проследить шаг за шагом как историю проникновения на Балканы славян, так и их начальную жизнь среди местного неславянского населения. Но мы знаем итоги этой совместной жизни. Нам известен отзыв Константина Багрянородного о том, что уже в VIII в. «вся греческая земля ославянилась, сделалась варварской». До нас дошел замечательный византийский закон $\nu\omicron\mu\omicron\varsigma \gamma\epsilon\omega\rho\upsilon\mu\iota\kappa\omicron\varsigma$, где мы видим *de facto* победу славянского общинного строя в Византии, что облегчалось наличием общин и у византийского крестьянства. Мы, наконец, знаем, что Балканский полуостров стал за некоторыми исключениями славянским и по языку. Каким путем туземное население, говорившее до сих пор преимущественно по-гречески и по-латыни, перешло на славянский язык, мы тоже полностью проследить не имеем возможности, но очевиднейший итог этого ассимилирующего процесса пред нами налицо.

Хорваты — один из первых славянских народов — проникли в глубь Балкан, продвинулись к Адриатическому морю и расположились на его берегах и ближайших к ним островах.

Такова общая обстановка происхождения той узкой при-

морской полосы, которая позднее получила наименование Винодола. Эта узкая полоса земли, насчитывавшая в себе в конце XIX в. 28 тыс. населения, однако очень рано успела превратиться в маленькое государство.

В буржуазной литературе, в том числе и славянской, можно нередко встретить взгляды на славян как на народ, неспособный к сплочению, к образованию сколько-нибудь значительных государств. Винодол с первого взгляда может показаться доказательством этой мысли. Но мысль эта неверна в самой основе. Она опровергается многими фактами образования больших славянских государств.

Иногда в доказательство неспособности славян к политическому единению указывают на то, что хорватская история X—XI вв. заполнена борьбой жупанов с королевской властью, бессильной подчинить жупанов. Но ведь с точно такими же явлениями мы встречаемся в любой стране в период складывания государства и сплочения отдельных племен в народ.

Вопрос надо ставить не о политических способностях того или иного народа, а об условиях, в каких ему приходилось жить, об отдельных периодах в их истории и, в частности, о том периоде, когда разъединенность являлась характерной чертой эпохи.

Если в X в. по сообщению сербского летописца «иллирийские жупанства и военачальства в междоусобной брани забавляхуся, един другого утесниваху, неколико князей воедино подчиняху»,¹ то мы тут можем видеть либо период борьбы племен в момент сплочения их в государство, либо войны уже феодальных владетелей. Наконец, нельзя забывать и внешних факторов, весьма сильно влиявших на ход истории отдельных народов.

Нельзя забывать, что значительная часть славян, занявших в VI в. Балканский полуостров, попала под власть Византии. Византия, несомненно, старалась руководствоваться советом Маврикия не допускать славян до объединения.

Справедливо замечает Ф. И. Успенский, что «Византии не представлялось выгодным способствовать образованию крупных центров славянства; напротив, самые элементарные соображения выгоды склоняли византийских государственных людей к тому, чтобы посеять рознь и вражду между отдельными коленами — жупами, поддерживая одного славянского вождя против другого».²

Если славяне сообщили Византии многие черты своей общественной жизни, переродили Восточную Римскую импе-

¹ Гласник дружства србске словиности, V, 52.

² Успенский Ф. И. История Византийской империи, I, стр. 676.

рию внутренне, то с другой стороны, сами славяне под давлением Византии не смогли достигнуть того, чего легко бы достигли, не будь столь серьезных препятствий с ее стороны.

Образование соседних с Балканами итальянских республик на западе и Венгерского государства на северо-востоке также не могло не оказать воздействия на дальнейшие судьбы той части славян, которая интересуется нас в данный момент. Прибрежные хорваты из-под византийской власти перешли под власть Венгрии, а в начале XV в. — под власть Венеции.³ Римская церковь в своем стремлении на восток тоже сыграла немаловажную роль в отрыве хорватов от сербов, что, конечно, никак не способствовало политическому объединению этих родственных народов.

Нет ничего удивительного в том, что Винодол предстает перед нами в виде миниатюрного государства, сумевшего, однако, сохранить в себе все черты своей собственной внутренней жизни, отстояв его от вмешательства иноземных сил.

Константин Багрянородный уже знал жупу Вребега, позднейший Брибир, вошедший составной частью в Винодол. Во время Багрянородного, т. е. в первой половине X в., хорваты составляли 14 жуп. В IX в. их было 11. Во главе всех их стоял великий жупан. Занимая приморскую часть хорватской земли от современного города Фиуме до Нови, Винодол слагался из небольших, более или менее автономных общин, каждая из которых группировалась вокруг своего города. Их было во время составления Винодольского статута девять: Новый град, Леденице, Брибир, Грижане, Дривеник, Хрилин, Бакр, Терсат (Црсат), Гробник.⁴

По памятникам XI—XII вв. Хорватская земля дробилась на 7 банатств, каждое из коих представляло автономную политическую единицу, слабо подчиненную хорватскому королю. До IX в. Хорватская земля находилась в зависимости от Византии.

В 1102 г. пресеклась династия хорватских королей, и хорваты признали над собой власть короля венгерского Коломана, присягнувшего соблюдать старинные права хорватов. Первые дошедшие до нас письменные памятники истории хорватского народа относятся к IX в. Это грамоты хорватских князей Терпимира (837 г.) и Мутимира (892 г.), данные монастырю Салонн, в которых содержатся также сведения о положении древних хорватских князей, жупанов и других старшин; есть указания относительно вечевых собраний.

³ Novak G. Prošlost Dalmacije. Zagreb, 1944, глава III.

⁴ Закон Винодольский, предисловие.

Известно, что у хорватов в X в. были уже записаны законы. Таковы вечевой устав (914 г.), излагающий правила об устройстве хорватской церкви (суд епископа, права духовенства, право наследования имущества), вечевой церковный устав (927—928 гг.), упоминающий о древних обычаях и статутах хорватских (*antiquae consuetudines, veterum statuta in omnibus ecclesiis episcoporum*), книга законов короля Сильвестра (до 985 г.). От XI—XII вв. имеется значительное число грамот, дарованных венецианским дожем и венгерскими королями.

Я несколько не собираюсь перечислять и тем более рассматривать письменное наследство хорватов. Этими небольшими справками я хотел подчеркнуть почтенную древность хорватской культуры, чтобы таким путем показать место Винодольского закона среди других памятников хорватского права.

В 1288 г., при венгерском короле Ладиславе и великих мужах, господах Фридерике, Иване, Леонарде, Дуйме, Вартоломее и Виде, князьях крчских, винодольских и модрушских, в Винодольском главном городе Новом граде собралось совещание с целью составить запись «всех хороших, старинных, испытанных законов Винодола», для того, «чтобы таким образом отныне впредь прекратились заблуждения по этому предмету и чтобы дети их на будущее время не имели сомнения в этих законах».

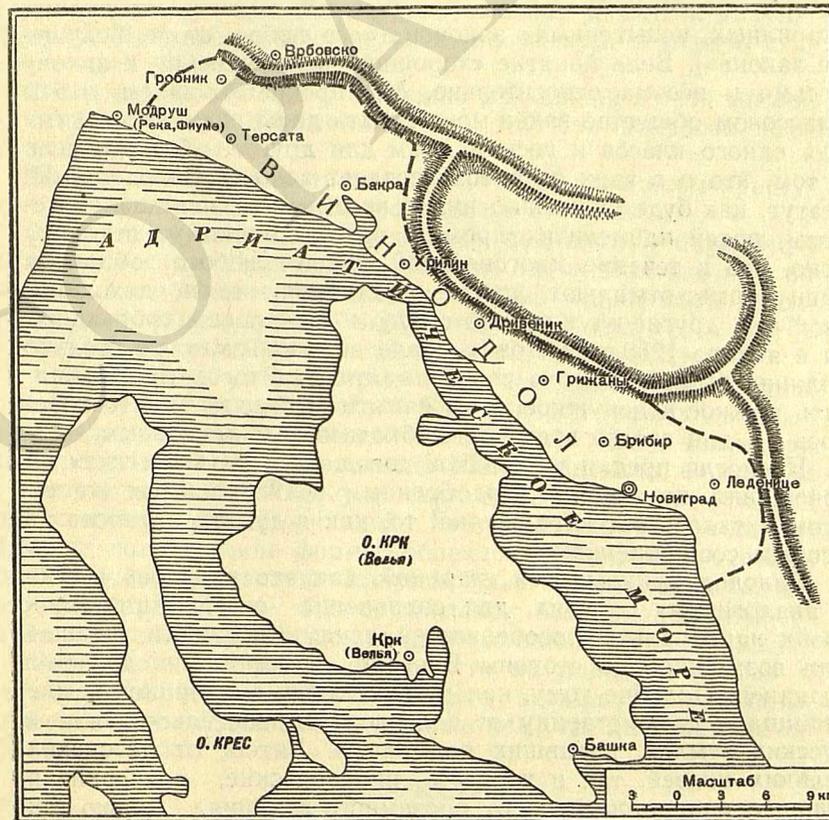
Дело в том, что в Винодоле «стали довольно часто замечать, что народ (люди) ошибаются в своих старинных и испытанных законах», и поэтому все винодольцы «пожелали сохранить вполне те старые хорошие законы, которые их предки всегда хранили нерушимо».⁵

Для выполнения этой задачи были избраны из каждого города винодольского по несколько человек, «не самых старших, а тех, про которых известно было, что они помнят законы своих отцов и то, что слышали от своих дедов». В собрании участвовали люди (39 человек)⁶ светские и духовные, представители общин винодольских («дворник», 9 «сатников», 2 судей, 12 духовных лиц и 15 мирских) в присутствии, а мо-

⁵ Это стереотипная формула. Она повторяется даже в XVI в. В предисловии к статуту Вепринецкому (город Вепринец) 1507 г. значится: «...Законы стари записат, ки есу вазда били држани в том почтованом граду Вепринцу...» (*Monumenta histor.-jurid. Slavorum meridionalium*, p. I, vol. IV, стр. 211).

⁶ Д-р Костренчич насчитывает 42. Эта цифра получилась у него оттого, что он «Микулу Драголюба» и «Дерга Влчина» считает не за двоих людей, а за четверых, и присчитывает председателя (*Kostrenčić Marco. Vinodolski zakon. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti*, кн. 227, стр. 118).

жет быть, и под председательством представителей княжеской власти Чрна «дворника всего Винодола и князей», что и полагалось по закону Винодольскому, ст. 62 которого гласит: «Ни одно совещание общинное или частное не может состояться ни в городе, ни в другом месте... если не присутствует тут же княжеский человек». Совещание происходило

в Новом граде, в княжеском зале 6 января 1288 г. Совещание выполнило свою задачу, составило сборник законов Винодольских. Сборник был одобрен «общинной Винодольской», записан в книгу, копии с которой разосланы по всем Винодольским городам.

Все эти подробности о составлении Винодольского статута взяты из предисловия и послесловия самого статута. Источник, требующий расшифровки, так как работа совещания,

равно как и повод к нему, изображены в предисловии и послесловии в торжественных тонах, за которыми подразумевается сложная конкретная будничная обстановка. Само собой разумеется, что в один день (6 января) нельзя было выполнить столь сложную работу. Это, конечно, день последнего чтения и утверждения законопроекта. Не могло собрание ограничиться простой записью старинных законов, даже если принять оговорку о том, что требовалась запись «хороших, старинных, испытанных» законов («все добре, старе, искушене законе»). Ведь понятие «хороший» в применении к закону весьма и весьма относительно. Мы прекрасно знаем, что в классовом обществе закон может быть даже очень «хорошим» для одного класса и весьма злым для другого. Тут все дело в том, кто и в чьих интересах создает закон. Винодольский статут, как будет показано ниже, несомненно, защищал интересы людей племенитых прежде всего. Всякому историку ясно, что в течение многовековой жизни любого общества одни нормы отмирают, другие рождаются, одни доживают свой век, другие идут ему на смену, и 39 человек, собравшихся в январе 1288 г. в Новом граде винодольском, не столько должны были рыться в своей памяти для того, чтобы записать нужное и ненужное, а из памяти выбирать то, что казалось им для своего времени необходимым и пригодным.

Не могли предки участников совещания жить «всегда» до совещания по законам, одобренным в 1288 г. Если же об этом писалось в тексте закона, то, как я думаю, писалось по особым соображениям.

Винодол прикрывался стариной, как это делалось всегда в аналогичных случаях, для сохранения своей автономии, своих национальных особенностей, ввиду опасности, шедшей или возможной со стороны Венгрии, которой Винодол был подчинен. Подобно тому, как русские люди в Галицкой земле защищали свою старину от польского правительства или в русских землях, попавших под власть Литвы, от литовских великих князей, так и хорваты винодольские, подчеркивая старину, защищали себя от иноземного влияния. Только так можно понять упорное подчеркивание старинности винодольских законов.⁷

⁷ «Вышеописанные законы были произнесены и утверждены всеми вышеупомянутыми представителями общин винодольских, которые постановили и утвердили их, как старинные испытанные законы Винодола, в которых всегда жили и они сами и их деды и отцы и все прочие предки» (ст. 76, курсив мой.— Б. Г.). Думаю, что д-р Костренчич прав, когда апелляцию к старине рассматривает как способ сообщения авторитета закону, но мне кажется этого одного недостаточно для объяснения мотивов составления Винодольского статута (Kostrenčič M. Указ. соч., стр. 121).

Я счел необходимым высказать эти простые соображения, потому что среди наших ученых есть люди (к счастью, их очень мало), продолжающие настаивать на том, что даже Русская Правда, в некоторых отношениях ушедшая вперед от Винодольского закона, есть запись обычного права, что она сильно отставала от требований текущей жизни. И это несмотря на неоднократные собрания законодательного характера, отмечаемые как «Повестью временных лет», так и самой Русской Правдой, собрания, имевшие задачей заменить старое новым.

Винодольский закон, несомненно впитавший в себя многое от старины, неизбежно должен был отвечать вопросам своей современности.

После этих предварительных замечаний мы можем приступить к изучению самого Винодольского статута.

К каждому источнику мы должны подходить с определенными запросами. Другое дело, сможет ли он ответить нам на все наши требования. Но исследователь, обращаясь к источнику, сам должен хорошо знать, чего он хочет.

Я хочу получить ответы на следующие вопросы.

Как Винодол удовлетворял свои материальные нужды, т. е. что и как он производил? Как распределялись добытые непосредственными производителями блага? Кто такие эти непосредственные производители? Их организация, отношение к господствующему классу и государству? Что представлял собою класс господствующий? Его отношение к общине? В какие политические формы облеклось винодольское общество? Какова социальная природа власти? Что представлял собою аппарат власти? Как организован был винодольский суд и как протекал процесс по делам уголовным и гражданским?

Заранее необходимо сказать, что на полноту ответов я рассчитывать и не собираюсь. Это значило бы ожидать невозможного. Воспользуюсь лишь тем, что дает нам закон Винодольский.

II. ХОЗЯЙСТВО

Напрасно бы мы искали прямых указаний на хозяйственное состояние Винодола в момент составления Винодольского закона и в период его существования в качестве действующего права. Этот закон, подобно всем другим Правдам аналогичного характера, интересуется, главным образом, вопросами уголовного права, судопроизводства и судебного процесса.

Мы встречаем здесь только косвенные намеки на подлинную жизнь Винодола, намеки, неизбежно проникающие в отдельные статьи о различных правонарушениях и способах борьбы с ними.

По этим случайно разбросанным указаниям источника, конечно, нельзя составить сколько-нибудь полного представления ни об отраслях хозяйства, ни о непосредственных производителях, занятых в хозяйстве, тем менее о технике производства. Но поскольку закон говорит о людях, защищающих свои права-привилегии, о людях, нарушающих установленные законом нормы, поскольку закон раскрывает пред нами эти нормы и дает нам некоторую возможность понять отношения людей в производстве, — мы можем почерпнуть из него немало ценных сведений, позволяющих нам хотя бы частично проникнуть в скрытую от нас подлинную картину экономики винодольского общества XIII в.

Если мы хотим правильно понять общественную и политическую жизнь Винодола, даже эти скудные, по крупницам собранные сведения о хозяйстве дадут нам точку опоры. Иначе нам грозит опасность произвольного истолкования многих явлений общественной и политической жизни этой небольшой, но для историка интересной полосы славянской земли на берегу Адриатического моря.

Ст. 5 Винодольского закона, разъясняя, что князь и епископ в своих поездках по княжеству имеют право за плату брать для пропитания своего и своей свиты (также и княжеской семьи) быков и баранов, каких только можно найти и кому бы этот скот ни принадлежал, кметам ли, или племенитым людям, или попам, или какому-либо другому человеку. («...такое од скота кметчего, так од племенитих луди, тако од попи и од иних всяких луди»).

Ст. 50 отличает скот крупный («ошче од говед великих») от упоминаемого в ст. 49 скота мелкого («говедо мало»). Ст. 50 указывает на то, что скотом владеют и княжеский двор, и княжеские служилые люди («служабници»).

Другими словами, скот можно встретить в любом хозяйстве от княжеского до крестьянского, скот крупный и мелкий (ст. ст. 5, 8, 49, 50), т. е. обычный скот, разводимый в каждом сельском хозяйстве. Это волы (ст. ст. 51, 52, 58), овцы (ст. 27), бараны (ст. 5). Ст. 49 упоминает мясо мелкого скота.

Наличие в значительных количествах скота, однако, несколько не делает винодольского общества скотоводческим. Как мы сейчас увидим, оно, главным образом, земледельческое.

Сведения о земле и продуктах сельского хозяйства рассыпаны по всему нашему памятнику. О земле говорят ст. ст. 23, 34, 45 и добавочная более поздняя статья. Небезынтересно отметить, что о земле закон говорит, как об ингредиенте, входящем в общее понятие «благо», т. е. имущество, которое расшифровывается почти стереотипно: «Если бы у кого было какое-либо имущество, какая-либо земля, какой-либо вино-

градник, какой-либо сад («врт») ¹, или вообще именование...» (ст. 84). «Стража над виноградником, землей, гумном и над другими предметами...» (ст. 23). Ст. 45 предусматривает вознаграждение за раскрытие правонарушения относительно земли, винограда и других предметов. «...Если кто станет тягаться... о каком-либо имуществе, т. е. о виноградниках, или о земле, или о доме, или о саде («врт»), или о любом недвижимом имуществе...» (добавочная статья). Недвижимое имущество, стало быть, мыслится прежде всего как земля, виноградник, сады, дом, гумно и, конечно, всякие хозяйственные постройки (хлев и погреб упоминаются в ст. ст. 8 и 62²). В четырех случаях раскрытия конкретного содержания понятия «благо» два раза на первом месте поставлена земля и на втором месте виноградник, два раза на первом месте стоит виноградник и на втором — земля.

Наблюдение над этим чисто внешним показателем, мне кажется, говорит о том, что в представлении законодательного совещания виноградарство и обработка земли под хлеб были одинаково ценными отраслями хозяйства. Такой вывод кажется мне совершенно верным. Самое название изучаемого края «Винодол» говорит само за себя. Это долина винограда и вина. Об охране виноградников говорится очень часто во всех далматинских статутах. Такого же мнения о распространности виноградарства и Ягич, хотя он как будто склонен большее значение придавать скотоводству и земледелию. ³ Закон Винодольский в ст. 43 называет вино и виноторговцев двух категорий: виноторговец, торгующий собственным вином («товернар»), и виноторговец, торгующий чужим вином («подружник»). ⁴

¹ Врт, вртоград — словенские и хорватские слова, встречаются в церковнославянском языке: сад, hortus, садовник. Есть совершенно ненужная попытка производить «врт» от готского, древнегерманского и романского языков (Peisker I. Die älteren Beziehungen der Slaven, стр. 83—84).

² «Если бы кто ночью украл какой-нибудь скот в хлеву («осик»)» (ст. 8). «Если бы кто подложил в чей-нибудь дом или в лавку (может быть, погреб — «храм») или в чей-нибудь хлев...» (ст. 62).

³ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 144.

⁴ «Още инедан товернар ни верован през сведоцтва од инедне крденче, ку би он учинил од свога вина навлашнога невече солдини десет; а подружник, то е ки тве вино продае, солдини педесет. И още имаю зврх тога присечи». Ягич переводит эту статью так: «Ни один виноторговец (корчмарь) не считается достоверным, не имея свидетельства, по кредиту (долгу), который им сделан кому-либо от своего собственного вина, если долг превышает 10 сольдинов; подружник же, т. е. продавец чужого вина, — если долг превышает 50 сольдинов. Кроме того, они должны присягнуть в этом».

Смысл статьи все же остается неясным. Почему подружник (иначе товариш, компаньон, socius. — Б. Г.) заслуживает на суде большего доверия, чем товернар, дающий в долг свое собственное вино?

Землепашество представлено в законе не более детально. Ст. 10 рассматривает вопрос о краже из «мошуны»⁵ или о сожжении хлеба, стоящего в поле (в копнах), или о краже сена из стога ночью («...от жита пожгания, ко стои на поли и од сена взетия на стогу в ноци...»). Жито названо в ст. 8, но здесь говорится уже не о пожоге хлеба, стоящего в поле, а о краже хлеба из гумна.

Сообщения Винодольского статута о земледелии кратки и малочисленны. О земледелии статут говорит как бы вскользь, как о предмете, всем хорошо известном, понятном и не требующем никаких особых разъяснений.

Мы здесь встречаемся с тем же явлением, которое можем наблюдать и в Русской Правде. Тут много говорится о продуктах земледелия лишь в специальных частях: о «поконе вирном», об «уроках» огороднику и мостнику, чему параллелей в Винодольском законе вообще нет. Что же касается указаний на земледелие в основной части «Правды», то они также очень кратки и напоминают собою даже текстуально соответствующие статьи Винодольского статута. Так, ст. 43 Пространной Правды читается: «Аже крадет гумно или жито в яме...»; ст. 83: «Аже зажгут гумно...». Упоминаются здесь: ратайный староста, ролейная земля, ролейный закуп, межа ролейная. Но нельзя забывать, что Русская Правда вообще содержательнее закона Винодольского.

Что надо разуметь под термином «врт» — огород или сад, с полной уверенностью сказать трудно. Крупнейший хорватский филолог Ягич не отдает предпочтения ни одному из возможных пониманий термина. Мне представляется более вероятным сад, потому что выделять огород в особую деталь сельского хозяйства можно было бы в том случае, если бы огород составлял самостоятельную отрасль хозяйства, что обычно вызывается потребностями и спросом больших городов. Едва ли это условие могло быть налицо в это время в Винодоле. Сад же, даже если он и не выделялся во вполне самостоятельную отрасль хозяйства, представлял значительную хозяйственную ценность с его многолетними, требующими специального ухода деревьями.⁶

Такое решение вопроса подсказывает и содержание византийского «земледельческого закона» (νόμος γεωργικός), неоднократно называющий поля, виноградники и сады и ни ра-

⁵ Ягич не дает точного определения слова «мошуна». Не совсем уверенно он предлагает переводить этот термин «огород» (может быть «забор»). Костренчич понимает это слово как «огороженное место на траве, дерне (tratina), близ дома» (Указ. соч. стр. 179, прим. 39).

⁶ В Словаре Вука Караджича врт — der Garten, hortus.

зу не упоминающий огородов. А ведь «земледельческий закон», несомненно, учитывал особенности хозяйства на Балканском полуострове, конечно, и хозяйство славян.

Винодольский закон, как и Русская Правда, знает и пчеловодство. Ст. 8 Винодольского закона говорит о краже меда, но считает почему-то полезным разъяснить, что это за вещь ульница — «место, где хранятся пчелы». «Ульница», упоминаемая в тексте статьи, это улей. Зачем понадобилось объяснить значение этого всем хорошо известного предмета — непонятно.⁷ Ягич считает, что здесь речь идет об «улейнике» (месте, где пчелы помещаются), и в примечании объясняет, что значит слово улник — ariorium; сегодня — ульаник, ульняк, словинское ulnjak — vulnjak.⁸ Костренчич переводит это слово на современный хорватский язык: ulnij, ulište.⁹

Считаю необходимым назвать здесь еще одну отрасль производства, отмеченную в Статуте одним случайным замечанием. В ст. 49 говорится о том, что в случае обнаружения при участии пристава украденного мелкого скота приставу полагается пара подметок («един пар подплат»). При развитой системе денежных штрафов в Винодоле мы можем расценивать эти подметки как архаизм, подсказывающий нам мысль о старом искусстве выделки кож, что вполне согласуется с фактом значительной наличности скота в Винодоле.

Вот и все, что дает нам наш источник для суждения о хозяйстве Винодола. Из кратких и отрывочных указаний Статута мы все же можем сделать заключение, что Винодол — страна сельского хозяйства прежде всего.

К сожалению, в Статуте нет прямых указаний на организацию ни крупного, ни мелкого хозяйства. В нашем распоряжении только скудные намеки по этому предмету. Упоминание дома, гумна, хлева, погреба, кладовой, хлеба, стоящего в поле, хлеба, лежащего на гумне, сена в стогах, жита, крупного молочного и рабочего скота (бык), виноградника, вина, сторожа виноградников, земель, гумен и других вещей, ключника — дает нам для этой цели очень немного. Мы можем только думать, что сторож мог обслуживать более или менее крупные хозяйства; мелкому крестьянскому хозяйству едва ли по силам было иметь специального сторожа. Предполагать, что виноградник, земля и гумно принадлежат коллективу, не-

⁷ «Отче ако нигде в ноци је украл в осику ники скот, вола, на гумни жито, вола на улници (в мести, где се хранаю пчеле мед), такое плати кнезу либр 50...» (ст. 46). Речь идет не о краже улья, а краже меда. Разъяснительная, поставленная в скобки фраза, — несомненно вставка.

⁸ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 22, прим. 31.

⁹ Kostrenčić Marco. Указ. соч., стр. 179, прим. 34.

возможно, так как на коллективное хозяйство в источнике нет ни одного намека. Закон всегда имеет в виду индивидуальное хозяйство, принадлежащее либо крестьянину, либо племени-тому человеку.

Вот эта статья: «Пудария, т. е. стража, поставленная для охраны виноградников, земель (очевидно, подразумеваются поля.— Б. Г.), гумен и других вещей, ...заслуживает доверия на суде» (ст. 23). Конечно, ставить стражу над полями, виноградниками, гумном мог только состоятельный человек.

Очень кстати привести здесь и ст. 42 Винодольского статута, говорящую о ключнике. Ни один ключник не может считаться заслуживающим доверия на суде по предметам, находящимся под его ключом, о которых бы он утверждал, что он их дал или подарил или займы дал, или каким бы то ни было способом отдал кому-нибудь из его кладовой («коноба»)...

¹⁰ если у него нет надежных свидетелей, и если цена недостающих в кладовой вещей выше 20 сольдинов.

Совершенно ясно, что ключник отвечает здесь за чужое имущество. Он обслуживает чужое хозяйство и, конечно, человека состоятельного.

Невольно здесь вспоминается ст. 21 Краткой Русской Правды: «Аже убьют огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы». Огнищанин, конечно, не сторож, и не ключник, но и он тоже отвечает за сохранность чужого имущества, в данном случае княжеского.

Как бы ни были скудны данные Статута об организации отдельных хозяйств, мы все же можем на основании этих данных сказать, что Статут предполагает наличие хозяйств сравнительно крупных, хозяева коих имеют в своем распоряжении и пользуются услугами лиц, имеющих определенные поручения, выполняющих определенные функции.

Само собой разумеется, что в таких хозяйствах подразумеваются непосредственные производители, о которых речь будет особо.

Ягич приводит некоторые глаголические грамоты, где говорится о привилегированных землевладельцах, которым крестьяне обязаны были оброком и барщиной. Выписки из этих грамот приведены у меня на стр. 43—44, где речь идет о кме-

¹⁰ Костренчич считает, что коноба — винный погреб и поэтому и ключаря понимает как виночерпия (Ук. соч., стр. 186, прим. 88). Мажуранич, по моему мнению, ближе к истине, когда считает ключаря человеком, охраняющим чужие вещи (disponsator, дворник). Мне кажется, что ключарь — это тот, кто привязывает «ключ к себе» (Простр. Рус. Пр., ст. 110). Иначе делается непонятным, почему в тексте ст. 42 говорится не о вине, а о «ниедне ричи», т. е. о различных вещах, находящихся под его ответственностью.

тах. Правда, грамоты эти относятся уже к XV в., но у нас имеются все основания предполагать наличие зависимого крестьянства, обязанного своим трудом обслуживать землевладельцев и в XIII в. Показания Винодольского статута таковы, что иначе мы мыслить по этому предмету не можем. Это положение делается еще более приемлемым, когда мы ознакомимся с положением крестьянской массы и людей племенитых. А сейчас в главе о винодольском хозяйстве необходимо остановиться на вопросе о внутренней и внешней торговле.

Что касается внутреннего рынка, то наличие девяти городов и общественного разделения труда внутри страны (виноградарь, например, как правило не производил ни хлеба, ни мяса, но, несомненно, он питался этими продуктами) делает его в той или иной мере неизбежным.

Закон Винодольский знает виноторговцев, продавцов собственного вина и, может быть, продавцов скупаемого вина,¹¹ знает таверну, как будто называет и лавку в городе. О таверне шла речь выше (ст. 11). О городской лавке, повидимому, говорит ст. 7: «Если бы кто в граду храм разбил в ночи или бы украл в ней что-нибудь...». Слово «храм» издатель Винодольского закона Мажуранич и В. В. Ягич, исследователь этого памятника с филологической его стороны, понимают как лавку или погреб.¹² Костренчич понимает «храм» как от от. Он ссылается на академический словарь, где это слово расшифровано, как «velika kuća», т. е. большой дом, большой двор.¹³ Ф. Леонтович считает «храм» церковью, «местом хранения общинной казны».¹⁴

Мнение Леонтовича не убедительно по целому ряду причин: 1. Закон Винодольский в тех статьях, где речь идет о церкви, церковь никогда храмом не называет, а пользуется словом «урикав» (ст. ст. 17, 36, 58). 2. «Храм» закона Винодольского соответствует филологически «хоромам» Русской Правды, где этим термином никогда не называется церковь. 3. Сопоставление, которое делает Леонтович, «храма» с

¹¹ «Подружник, то е ки тве вино продае». Выше сказано о содержателе таверны, который дает в долг свое вино. Ягич и Костренчич о подружнике пишут, что объяснение термину дано в тексте и предполагают, что «подружник» может означать товарища, компаньона, socius'a (Ягич В. В. Указ. соч., стр. 61, прим. 122; Kostrenčič М. Указ. соч., стр. 186, прим. 91). Парчич переводит слово «подружник» — sensuatio. Нельзя ли под «подружником» разуметь подручного, приказчика, который торгует в таверне вином хозяина?

¹² Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 19, прим. 24.

¹³ Kostrenčič М. Указ. соч., стр. 178, прим. 31.

¹⁴ Леонтович Ф. Древнее хорватско-далматское законодательство, стр. 29.

Псковской Судной грамотой, где говорится о «кромском» та-те, не верно по существу, потому что «кром» не имеет никакого отношения к храму. 4. Наконец, Винодольский закон знает кражу церковных вещей и налагает за это преступление все-мерно больше, чем за кражу вещей не церковных и не княжеских (равно как и его слуг). Между тем кража из «храма» по ст. 7 карается 50-либерной пеней в пользу князя, как за кражу скота в хлеве, хлеба из гумна и из улья меда. Следует также обратить внимание на ст. 62, где сказано: «Если бы кто подложил огонь в дом, или храм, или в чей-нибудь хлев, за первое поджигательство платит двору (княжескому) 100 либр и вознаграждение убытка тому, кому он сделал убыток пожаром...». Совсем невероятно, чтобы между «домом» и «хлевом» в этом перечне оказалась церковь (по Леонтовичу) или οἶκος (по Костренчичу). Также невероятно, чтобы за сожжение церкви взыскивалось вознаграждение убытка тому, кому он причинен пожаром.

Не очень вероятно, что тут, в этом перечне, между «домом» и «хлевом» очутилась лавка, погреб или какое-нибудь иное сооружение для хранения продуктов и других домашних вещей.

Так как Мажуранич и Ягич допускают понимание термина «храм» и как лавку, и как погреб, то придется с ними согласиться. Может быть, «храм» значит и то и другое, тогда было бы очень заманчиво видеть в ст. 7 городскую лавку, а в ст. 62 — кладовую или погреб обыкновенной сельской усадьбы. Наличие в этом перечне хлева как будто подсказывает именно такое решение вопроса. Напомню, что по-украински крам значит товар, крамница значит лавка; чешское kram, хорватское kram — лавка.¹⁵

Если даже допустить, что наше предположение о городской лавке текстуально неверно, то и тогда сомневаться в наличии лавок в городе не приходится. Уровень общественной жизни Винодола XIII в. неизбежно ведет нас к признанию внутреннего обмена, а следовательно, и лавок и купцов. Об этом мы имеем самые точные указания самого Винодольского закона. В ст. 44 читаем: «Ни одна счетная книга («квадерна») купца не считается достаточным доказательством без добрых свидетелей, когда долг превышает сумму в 50 либр; купец, кроме того, своей присягой на евангелии должен подтвердить правильность своих счетных книг («квадерни»). Эта статья не только говорит нам о наличии купцов, но и о

¹⁵ Linde. Słownik języka polskiego (под словом «kram»).

высокой технике торгового дела. Лавки при этом условии совершенно неизбежны.

Несколько удивительным кажется мне замечание Ягича о том, что в Винодоле «торговля должно быть была еще слабо развита». Свой вывод Ягич делает на том основании, что в Винодольском законе мало говорится о купцах и торговле. В Законе действительно об этих сюжетах говорится мало, зато смысл того, что там сказано, достаточно убедителен и заставляет нас несколько иначе думать о торговле в Винодоле. Конечно, это не торговая республика вроде Венеции или Генуи, но это и не примитивное общество, живущее натуральным обменом.

Д-р Костренчич с Ягичем не согласен. Из ст. 44 он выводит заключение, что «торговая жизнь в Винодоле была достаточно заметно развита».¹⁶

Считаю необходимым остановиться еще на одном доказательстве наличия заметной, если прибегать к осторожным выражениям, торговли в Винодоле. Это наличие денег, распространенность денежных штрафов, почти полностью вытеснивших штрафы скотом. Только в одном случае сохранился штраф скотом: с неотправляющего без уважительных причин церковных служб попа взыскивается вол (ст. 58). В двух других случаях вол может быть заменен деньгами: если бы пристав оказался обвиненным во лжи и не мог бы оправдаться, то с него взыскивается штраф в пользу князя в 40 сольдинов, а приставу, участвующему на суде, полагается с осужденного получить одного вола или 8 либр (ст. 51). Если кто обвинит кого в ложном свидетельстве, но не докажет, платит князю 2 либры, свидетелю же — одного вола или 8 либр (ст. 52).¹⁷

О тесных торговых связях Винодола с Италией говорят и названия монет и мер веса. Либра — денежная итальянская единица, состояла из 20 сольдинов. Сольдин тоже термин итальянский. Врнез — монета, соответствует монете venetensis. В самом Винодольском законе, в ст. 1 дважды прямо сказано: «врнез венецачких» (врнезы венецианские). Боланча (ст. 1) — это тоже монета итальянская — balantia. Квадерна — тетрадь, в данном тексте торговая книга (ст. 44) по-итальянски — quaderno. Коденча (ст. 43) — кредит, тоже слово итальянское.

Ни одной монеты со славянским названием! Отчего это

¹⁶ Kostrenčič M. Указ. соч., стр. 196.

¹⁷ Вол оценивался в XIII в. в 8 либр в Винодоле, также и в Италии «un buo nel secolo XIII avrebbe valso circa 8 libbre». Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 69, прим. 137.

могло произойти, если не от систематических торговых связей Винодола с Италией, стран столь непосредственно соприкасавшихся на протяжении многих веков. Этим же объясняется и торговая терминология.

Может вызвать удивление, что Винодол, расположенный на берегу Адриатического моря, отделенный узкими проливами от островов Крка, Раба, Цреса и других более мелких, в своем Законе так скупно отразил вопросы мореходства. В Законе только один раз вспомнили о пристани. «Ошче ако ки силу учини в пристанишчу винодолском...» (ст. 11). Ягич по этому поводу с некоторым удивлением замечает, что в Винодолском законе «ни малейшего намека нет на морскую жизнь (торговлю, коммерцию и пр.) тамошнего населения. Даже об упоминаемом тут «пристанище» не сказано подробнее, где оно находилось. Еще удивительнее, пожалуй, молчание статута Крчского, в котором, кроме лимитации цен на рыбу, раз только сказано несколько слов о навкире (pauclegus, pavichiege, poschiero), где уже название свидетельствует об иностранном происхождении этого занятия».¹⁸

О «происхождении этого занятия» по данным XIII в. лучше не судить, так как «происхождение» уходит от XIII в. далеко в прошлое. Что же касается более позднего времени, то нам известны причины, почему мореходство оказалось в руках итальянцев, почему и морская терминология в славянских землях, соседних с Италией, восторжествовала. Что же касается единичного упоминания в Винодолском законе «пристанища», то я считаю возможным понимать эту статью закона, как статью обобщающего характера, распространяющую известную норму на все пристани Винодола. Перечислять же эти пристани в Законе не было никакой надобности. Вот эта статья: «Ошче ако ки силу учини в пристанишчу винодолском, платити има кнезу либар педесет» (ст. 11). Мое предположение несколько не противоречит тексту закона, не является какой-либо натяжкой и в то же время дает, как мне кажется, наиболее удовлетворительное решение вызывающей недоумение проблемы.

Ягич ссылается на глаголическую грамоту 1428 г. (№ 28), относящуюся к одному из Винодолских городов — Брибиру, где имеются указания на то, что население этой городской общины состояло из двух основных групп «плчане» и «властеле». «Плчане» были обязаны платить пошлину от всех товаров, привозимых из-за моря, «властеле» же освобождались.¹⁹

¹⁸ Ягич В. В. Закон Винодолский, стр. 27, прим. 43.

¹⁹ Ягич В. В. Закон Винодолский, стр. 145.

«Плчане» — это народ в отличие от высших классов общества. Документ очень интересный и показательный, но, к сожалению, довольно поздний для того, чтобы отсюда сделать уверенное заключение о морской торговле Винодола. Но без большого греха мы все же можем воспользоваться и им, поскольку содержание Винодолского закона не только не противоречит показаниям этой глаголической грамоты, а целым рядом косвенных данных их подтверждает.

Итоги, к каким приводит нас изучение источника по вопросу о хозяйстве Винодола, могут быть сведены к следующим положениям:

1. Винодол — страна сельского хозяйства.
2. Главнейшие его отрасли — хлебопашество и виноградарство.
3. Дополнительные отрасли сельского хозяйства — садоводство, разведение скота, пчеловодство.
4. Хозяйство ведется отдельными хозяевами. Никаких признаков коллективного ведения хозяйства в Винодолском законе нет.
5. Хозяйства различаются по своим размерам и по общественно-политическому положению хозяев. Имеются более или менее крупные хозяйства, обслуживаемые чужим трудом, и мелкие крестьянские.
6. Имеются указания на производство вина и обработку кож.
7. Внутренняя торговля, обмен между городом и деревней, не подлежит сомнению.
8. Неизбежно подразумевается торговля внешняя, прежде всего с итальянскими городами.
9. Купцы ведут свои торговые дела в достаточно высоких приемах коммерции (наличие счетных книг).
10. Денежная система развита. На ней сказалось влияние Италии.

В заключение необходимо указать, что Винодолский закон слишком мало внимания уделяет вопросам хозяйства, почему и наши итоги, естественно, носят очень скромный характер. Не желая пускаться в область не подкрепленных источником догадок, я все же могу высказать несколько вполне правдоподобных положений. Едва ли, например, у крестьянина не было коня, о котором Закон не обмолвился ни словом; вероятно, у него был и осел; едва ли Винодол обходился без кузниц и кузнецов и других ремесленников, без наличия которых не было бы и городов. Повторяю — все это больше, чем вероятно, даже обязательно, но поскольку Статут ничего об этом не говорит, исследователю приходится быть осторожным и дальше предположений не идти.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

1. Предварительные замечания

Тут прежде всего надо найти правильный путь к объяснению винодольской общины, без чего многое будет для нас непонятно.

Почти сто лет в историографии европейской и особенно русской термин «община» часто заставлял исследователя настораживаться в ожидании откровения. Многие из историков России были загипнотизированы этим словом, отводили в своих построениях общине совсем не то место, какое она занимала в подлинной жизни русского народа.

С немалым увлечением выступали их противники, возражая не только против искусственных построений сторонников общинной теории, но и против признания самого существования общины как на Руси, так и в других странах Европы.¹

Вполне естественно, что поклонники общины с очень большой охотой обращались и к южнославянским памятникам, где, не в пример скудости упоминаний об общине в русских источниках, слух исследователя ласкали постоянные упоминания об общине. Таков, между прочим, и Винодольский статут. Здесь термин «община» встречается часто, то в виде существительного, то в виде прилагательного. Наш долг разобраться в этой терминологии, по возможности без всяких предвзятых мыслей и преувеличений.

Слово «община» в законе Винодольском употребляется в трех значениях:

1. В широком значении слова весь Винодол называется общиной: «И ти вси писани на вкуп скуплени од воле *опчинске* и единим пристаненьем и нареением собраним все *опчини винодольске*, ке буду здола писане вола ке су слышали од своих стариих». ² Здесь «вся община Винодольская» обозначает княжество Винодольское, весь Винодол.

2. Чаше встречается термин «община» в смысле города с землей его округа, либо только города. Каждый диакон, желающий поступить в монашеский орден, должен испросить разрешение князя и той общины города, в которой он живет («об опчине града, гди е», ст. 16). Крестьянин может уйти

¹ См. об этом подробнее: Греков Б. Д. Киевская Русь, изд. 4-е, стр. 52—54.

² «Все эти здесь перечисленные (перечень стоит перед этой фразой.— Б. Г.), собравшись в одно место по воле *общины* и по единогласному приглашению и повелению собрания *всей общины Винодольской* (постановили), то, что записано ниже, что они слышали от своих предков» (предисловие к Винодольскому закону).

за какую-либо церковь, или за аббатство, или за монастырь только с разрешения князя и общины («с волю кнеза и опчине», ст. 17). «Опчина града, гди је та татба учини» (ст. 37), «...опчини онога града, в ком се то учини» (ст. 58).³

3. Наконец, прилагательное «общинный» иногда значит общественный, публичный в противоположность частному, индивидуальному. «Йошче вси завези, не би кнез од селе положил или прие учинил *опчинским* и навлашчним законом...» (ст. 55).⁴ «Още ниедни завези... *опчински* вола навлашни» (ст. 14).

Наиболее старая и известная работа, специально посвященная изучению древнего хорвато-далматского законодательства, принадлежит Ф. Леонтовичу, которого мы имеем все основания причислить к исследователям, увлеченным теорией общинного быта славян и поэтому далеко не объективного (книга вышла в 1868 г.).

Новейшая работа принадлежит перу д-ра Марко Костренчича «Винодольский Закон». ⁵ Автор сделал перевод Винодольского закона на современный хорватский язык, снабдил текст обширными примечаниями и сделал новый опыт исследования этого ценнейшего памятника древнеславянского права. Автор свободен от увлечений Леонтовича.

Вот что пишет Леонтович по поводу Винодольской общины: «Община обнимает все общественные классы без исключительного господства одних и порабощения других. Высшие классы не выделяются из общины и не преобладают в ней, как это было в других, особенно приморских, далматских общинах: винодольские... племенитые люди составляли только главную земскую силу и опору общин». ⁶ Подобные рассуждения рассыпаны у Ф. Леонтовича по всему его труду, несомненно, в свое время очень интересному, не потерявшему некоторого научного значения и сейчас. Но уже Ягич в 1880 г., правда, филолог, но прекрасно знавший Винодольский статут и не хуже историю своей родины, усумнился в правильности оценки Леонтовичем роли общины в Винодолье XIII в. В своих примечаниях он неоднократно с полным основанием возражал Ф. Леонтовичу, поскольку очень часто Леонтович неправильно понимал самый язык Статута, в чем, конечно, Ягичу надо отдать первое место.

³ См. также ст. ст. 14, 31.

⁴ «Публичным или частным способом». Так переводит Ягич (Указ. соч., стр. 75).

⁵ Напечатан труд д-ра Костренчича в Rad Jugoslavenska Akademije znanosti i umjetnosti, кн. 227, Загреб, 1923.

⁶ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 9.

Например, в фразе «скупивше се вси на куп» в предисловии к Статуту Леонтович понимает слово «куп» как «общую народную сходку всех винодолских общин» и на основании этого текста и других, где встречается термин «куп» (ст. 69),⁷ он строит очень ответственный вывод. Он считает «куп» не только законодательным собранием, но и местом общинного суда. Он уверен, что «старые сходки славян основывались на непосредственном участии в них всех членов общин». Между тем, по разъяснению Ягича, такое понимание термина «не основано ни на чем». «На куп», «на вкуп» значит «купно», т. е. вместе, заодно, ипа, simul. В доказательство Ягич приводит много текстов из закона острова Крка и глаголических грамот, где полностью разъясняется смысл этого термина.⁸ Наконец, в самом Винодолском законе есть места, ясно подтверждающие мнение Ягича. Например, в ст. 69 говорится о месте, где приносится судебная присяга «када буду накуп на том месту обичайном, коди се роте чине». Речь здесь идет не о народном собрании.

Однако д-р Костренчич переводит термин «вкуп» на современный язык словом «скупщина», считая, что люди, собранные вместе (вкуп) для обсуждения известных вопросов, могут быть названы скупщиной. Таким образом, он отчасти примыкает к мнению Леонтовича.⁹

Для того, чтобы ясно представить, что собою представляла община в Винодоле, необходимо произвести несколько дополнительных исследований.

Надо обратиться к терминам «племя» и «ближики» прежде всего.

2. «Племя» и «ближики»

В Винодолском статуте этими терминами обозначаются общественные ячейки, связывающие своих членов родством. Племя — это то же, что и ближики. Совокупность ближиков это и есть племя по терминологии Винодолского статута. Ягич приводит несколько текстов из глаголических грамот, где эта мысль подтверждается полностью: в глаголической грамоте 1393 г. (№ 12) имеется выражение «ближичество племенско». Отдельные члены племени или ближичества назывались братьями «ближними и дальними» (№ 32, 1433 г., № 48,

⁷ Там же, стр. 18.

⁸ «А ми не хотечи да би се крв али неприязн медю нами згодила, есмо ту пену подтвердили ш ними на куп» (с ними вместе)... даби се скупили на куп да оте на куп службу служим» (чтобы сошлись вместе, чтобы заодно служить барщину). Закон острова Крка (Ягич, Указ. соч., стр. 3, прим. 5). Там же приведены и другие тексты.

⁹ Kostrenčić M. Указ. соч., стр. 176, прим. 3.

1447 г.). В племя входили: «сини, братья, братучеди, стрици, синовци, ближни и дальни (№ 51, 1448 г.).¹⁰

Нетрудно заметить, что перед нами тот самый перечень родственников, который мы имеем в ст. 1 Краткой Русской Правды («А убьеть муж мужа, то мьстить брату брат, или сынови отца, либо отцу сына, или братучаду, либо сестрину сынови...»), но Русская Правда эту сумму родственников никаким общим термином не называет. По составу перечисленных здесь родственников мы можем заключить, что перед нами большая семья. Винодолский же закон употребляет термин «племя» в смысле родства, родственной группы вообще. Отсюда и термин «племенитые люди», т. е., как сказали бы мы сейчас, «родовитые люди», иначе люди знатные.

Но с родом, как таковым, термин «племя» имеет только генетическую связь. В Винодолском законе рода в обычном научном значении слова, иначе родовой общины, — уже нет.

Ягич приводит несколько интересных, взятых из глаголических грамот фактов в доказательство того, что в Черногории в состав одного племени входило «большое число отдельных семейств». Так, в грамоте № 51 (1448 г.) племя Стрижици включало в себе приблизительно 10 разных семейств с различными названиями, но все они были Стрижици. В грамоте № 48 1447 г. племя Неблюшко состоит из 4 колен и 22 семейств. Связь родства и племени называлась вервью. Относительно Винодола Ягич замечает, что в Винодоле, стране приморской, племена или братства, как кажется, не доходили до таких громадных размеров, как глубже внутри страны.¹¹ Но тут дело не только в размерах.

И меня в данном случае интересуют не только размеры «племени», но и степень сохранности в нем кровнородственных отношений.

Думаю, что между Винодолом и Черногорией в этом отношении действительно есть разница. В примерах, приведенных Ягичем, показаны случаи, когда черногорское «племя» дает разрешение одному из своих членов продать свое недвижимое имущество. Стало быть, недвижимым имуществом, и прежде всего, конечно, землей, члены «племени могли распоряжаться только с согласия всего «племени». Естественно допустить, что в случае смерти бездетного члена «племени» его имущество переходило к «племени», которое и передавало это имущество другому члену «племени» по своему усмотрению. Тут термин «племя» тождествен с научным понятием рода.

¹⁰ Ягич В. В. Закон Винодолский, стр. 45.

¹¹ Ягич В. В. Закон Винодолский, стр. 46, прим. 90.

Закон Винодольский исключает такое положение, так как тут «ошастно» (выморочное имущество) поступает по закону в распоряжение князя. За незаконное пользование «ошастным» взыскиваются возмещения в пользу князя материального ущерба и штраф не с родственников, а с лица, незаконно владевшего ошастным.¹² Поскольку по закону наследует семья, поскольку Винодольский закон знает и наследование по завещанию,¹³ мы имеем право сделать вывод, что Винодол в своих общественных отношениях, по сравнению с Черногорией, в развитии частной собственности и изживания родовых пережитков сделал большой шаг вперед. Но Винодольский закон сохранил старый термин «племя», когда-то обозначавший, несомненно, род, потом большую семью, существующую, как и в Русской Правде, параллельно с сельской общиной или в самой сельской общине, но сохранил как старый пережиток, оставивший в жизни сравнительно небольшой след, так как в Винодольском законе субъектом всевозможных прав значительно чаще является семья (отец, мать и их дети мужского и отчасти женского пола) и значительно реже ближники (т. е. родственники боковые).

Для того чтобы убедиться, насколько Винодол в своих общественных отношениях ушел вперед от родового строя, необходимо ознакомиться с винодольским вещным и наследственным правом XIII в.

3. Вещное и наследственное право

Следов коллективного родового имущества в Винодольском законе нет совсем. «Благо» — общее название имущества, «рич» — вещь. Имущество различается движимое и недвижимое, благоприобретенное и наследственное (благо отчино и материно). Имущество находится в частной собственности. Собственниками являются: князь, церковь, племенные люди, кметы. Право собственности строго охраняется законом.¹⁴

¹² Закон Винодольский, стр. 33.

¹³ Там же, добавочная статья.

¹⁴ Леонтович нашел в Винодольском законе упоминание общего имущества, как расшифровывал он термин «збор» (ст. 13). Но после разъяснения Ягича под «збором» решительно нельзя понимать имущество общее. В ст. 13 говорится: «Если какая-либо «братщина» делит «збор» между собою, она обязана давать десятину сполна». Леонтович под братчиной разумел задругу. Ягич убедительно разъяснил, что братчина совсем не значит задруга, а церковная организация, в состав которой входили люди, совсем не связанные никакими узами родства. В доказательство Ягич приводит выписки из грамот XV в.: «виноград бращины светого Миховила», «в братчину светого Якова», «и в нем земле за оранье, кее купил од брашине свете Марие с Крка» и др. Так же понимает «братчину» и д-р Костренчич (Указ. соч., стр. 180, прим. 45).

Все эти положения не трудно доказать. «Благо отчино и материно», передающееся по наследству по законам сыновьям, а в случае их отсутствия дочерям, мы встречаем в ст. 32. Ст. 34 гласит: если бы у кого-нибудь было некоторое имущество: земля, или виноградник, или сад, от коих князь имеет право получать доход, и если бы хозяин этого имущества не дал князю дохода, неплательщик облагается штрафом, или же князь сам может взять доход, если неплательщик не обнаружен.

О движимом и недвижимом имуществе, находящемся в частной собственности, говорит ст. 51. «Если пристав оказался бы человеком нечестным («крив»), он отвечает перед князем всем своим имуществом движимым и недвижимым (...остани кнезу од всего свога блага, ча се гибле и не гибле)». Ст. 57 налагает конфискацию всего («своего») имущества за устройство совещаний частных или общинных без присутствия на них уполномоченного от князя.

В том же нас убеждает и право наследования по закону. Наследственное право, как признает и Ф. Леонтович, «имеет строгий семейный характер». Ст. 32 устанавливает следующий порядок наследования. Наследство получают «реди»,¹⁵ т. е. наследники, коими по закону являются сыновья; если нет сыновей, — дочери. Имущество от сыновей, умерших без наследников мужского пола, переходит к их сестрам. Ближники не наследуют. Выморочным имуществом считается, когда «реди» нет совсем, и тогда оно переходит к князю. Ближникам и в этом случае не достается по закону ничего.

В отдельных случаях ближники, однако, либо участвуют в платеже штрафа за убийство, совершенное их сородичем, или же — в получении компенсации за убитого. Если будет убит кмет, то убийца платит 100 либр, которые распределяются так: детям убитого («дитца убиеного»), если у него есть дети, 50 либр, 50 либр ближникам. Но эти 100 либр платит сам убийца. Если убийца убежит, то 100 либр должны выплатить совместно «ближники» и «реди» его в той же пропорции (50 и 50). Ближники освобождаются от всякого штрафа, если убийца будет найден до суда или между пострадавшей стороной и стороной убийцы произойдет до суда коллобовное соглашение (ст. 31).

В состав ближиков входит семья в узком смысле слова и боковые родственники, но при этом семья все же выделяется, не растворяется в массе родственников. Мы имеем право утверждать существование семьи отдельно от родственников

¹⁵ Итальянское слово *erede*, отсюда термин винодольский: «аредитати» (ст. 32) — *ereditare*. Ягич В. В. Указ. соч., стр. 49, прим. 96.

(«ближиков») и потому, что наследниками считаются только члены семьи, а не родственники вообще.

Ст. 67 разъясняет, что братья и сестры совсем не обязательно живут совместно и ведут общее хозяйство: «А брат сестры и сестра (брату) могу бити сведоци, ако стое всак по себи и раздилени есу мею собом». ¹⁶ Если именно семья является субъектом всяких прав, то естественно вытекает заключение о том, что «племя» — род уже успел распасться и существует больше в терминологии, чем в подлинной жизни.

Способы приобретения прав на вещи полнее всего названы в так называемой добавочной, несомненно, более поздней, статье. Тут примерно перечислены и вещи, на которые лицо может иметь право. Это виноградник, земля, дом, сад и любое недвижимое имущество («од кога годи пошишиона»). Способы приобретения прав на вещи тут же указаны следующие: купля от определенного, названного по имени лица, дарение (тут два термина, трудно различимых: «...рече, да му е дан та пошишион вола дарован...»), заклад, завещание.

Не трудно показать, что все эти виды обязательств известны не только добавочной статье, но и самому Винодольскому закону.

О купле-продаже шла речь в параграфе о хозяйстве Винодола. Тут мне хочется отметить, что и Русская Правда в удостоверение законности купли-продажи тоже требует указания купившего на лицо, у кого куплена вещь. Купля удостоверяется свидетельством двух свободных мужей или мытника. Если человек не может указать, у кого он купил вещь, требуется присяга видоков. ¹⁷

О дарении упоминает и ст. 42. Ни одному «ключарю» нельзя верить, если он скажет, что дал или подарил или каким-либо способом отдал (...е дал или приказал, или посулил) кому-нибудь какой-либо предмет из помещения, нахо-

¹⁶ Слова, поставленные в скобки, вставлены Ягичем по догадке для придания статье смысла. Ягич достаточно убедительно доказал возможность именно этой вставки на месте пропуска, допущенного переписчиком («Закон Винодольский», стр. 91—92, прим. 172).

Д-р Костренчич признает эту вставку Ягича правильной и в переводе ст. 67 на современный хорватский язык ее поместил тоже (Указ соч., стр. 174).

Ф. Леонтович понимает эту статью еще более широко, чем Ягич. Он думает, что «отец, сын, брат, сестра допускаются свидетелями один за другого только с тех пор, когда, по выражению Винодольских законов, «стое всак по себи и раздилени есу мею собом». Ягич же относит это условие только к отношениям между сестрами и братьями. В данном случае меня интересуют не столько права братьев и сестер, сколько факт их жизни в разделе, иначе степень прочности большой семьи. Она, несомненно, уже успела дать большую трещину.

¹⁷ Простр. Русская Правда, ст. ст. 37, 39.

дящегося в его ведении («коноба»), иначе под его ключом, если стоимость вещи превышает 20 сольдинов. Необходимо, чтобы ключник выставил достоверных свидетелей. Если вещь стоит меньше 20 сольдинов, ключник сам должен присягнуть на евангелии. Предполагается, конечно, что ключник в данном случае отвечает не за свои собственные вещи, которыми он имел полное право распоряжаться, а за чужие, ему доверенные. «Коноба» — это *cellarium*, кладовая с разными припасами. Ключарь — *cellarius*. ¹⁸

Заклад тесно связан с договором займа. На этом предмете Винодольский закон останавливается достаточно внимательно. Смысл ст. 14, если его правильно уловил Ягич, сводится к следующему: «Частные лица какого-либо состояния в Винодоле не имели права без позволения князя, в отсутствие его чиновников, вступать в какие бы то ни было обязательства или заключать договоры; всякий залог, представленный по такому случаю перед общиной или частным лицом, поступает в пользу казны общины и княжеских людей». ¹⁹

Это не перевод, а лишь общий смысл статьи, каким он представляется Ягичу, допустившему здесь ряд вставок от себя. Если попытаться перевести статью дословно, то получится, будто ст. 14 запрещает всякие договоры и заклады. Но мы знаем, что этого не было и быть не могло: договоры заключались на самом законном основании. Следовательно, ста-

¹⁸ Ягич В. В. Указ соч., стр. 59, прим. 116, 117.

¹⁹ Там же, стр. 29—30, прим. 46. Статья сформулирована очень неясно. Ягич сделал попытку ее истолкования. «Още ниедни завези од ке годи ричи не могу се првич мею кими годи луди кнежства завезати или заговор положити опчински вола навлашни: онога завеза пол гре опчини, а пол господи онога града гди буде то учинено». Заговор — залог, заклад. Что же касается «завези», то тут уже разногласие. Леонтович считает, что завези и заговори означают пени, определявшиеся не законом, но договором или соглашением (заговор, завез — отсюда и самое название пеней) сторон с судьей (Леонтович. Древнее хорватско-далматское законодательство, стр. 38). Ягич утверждает, что это неточно и дает свое объяснение. Он подчеркивает, что завез — обязательство, но тут же прибавляет, что «с объективной точки зрения такой завез заключался в известной сумме денег, назначаемой как пени (штраф) на случай неисполнения завеза». Иначе говоря, Ягич считает, что завез может значить и обязательство и неустойку по обязательству. В связи с этим Ягич и предлагает свое понимание статьи. К сожалению, Ягич в статью вводит от себя некоторые части, совсем отсутствующие в законе. Таковы, например, «без позволения князя», «в отсутствие его чиновников». Ягич по поводу своего допущения пишет: «Странно, что в статье опущено именно то слово, которое важнее всего — «през воле кнеза». Надо согласиться, что с этой прибавкой статья получает ясный смысл. Далее Ягич оставил без учета слово «првич», заметив лишь, что «не видно противоположности к слову првич (впервые, впервые, первый раз)».

Д-р Костренчич считает «заговор» и «завез» синонимами (Указ соч., стр. 181, прим. 46).

тью эту понимать буквально нельзя и, если принять домысел Ягича, то придется сопоставить ст. 14 со ст. 57, в которой читаем: «Никакое совещание, общинное или частное, не может состояться ни в городе ни в другом месте ни по каким делам, касающимся общины, если на совещании не будет присутствовать княжий человек. Решая какие бы то ни было дела вопреки этому постановлению, они потеряют все свое имущество, которое достается князю».

Ягич проводит параллель, «напоминающую» смысл 14-й статьи из истрианской грамоты и из статута Крчского.²⁰

Но может быть правильнее будет ст. 14 сопоставлять не со ст. 57, а со ст. ст. 55 и 75, где говорится, что все «завези», которые бы князь отселе положил или раньше установил общинным и частным способом («законом»), должны принадлежать князю (ст. 55). Во всех «бандах, заговорах и речениях» князь имеет полную власть (ст. 75). Леонтович так и полагал, что ст. 14 имеет в виду пени, назначаемые не князем, но договором или соглашением сторон с судьей.²¹ Но и в понимании Леонтовича статья не выигрывает в ясности.

Много внимания уделил толкованию этой трудной статьи и д-р Костренчич. Основная его мысль сводится к тому, что этой статьей князь подтверждает свое право на половину «конвенциональных штрафов».²²

Оставляя нерешенным вопрос об исправности текста ст. 14 (вопрос, требующий специального исследования, а может быть и вообще неразрешимый), мы, возвращаясь к нашему очередному вопросу о характере обязательств по Винодольскому статуту, имеем полное право сослаться на ст. 14, как на доказательство существования договоров, сопровождаемых пенями или неустойками, что предметом договоров могут быть какие угодно вещи («ке годи ричи»), что имеются в виду договоры, где сторонами могут быть как общины, так и частные люди. Эти же выводы полностью подтверждаются и ст. ст. 55 и 75.

К этим статьям мы должны прибавить еще статьи о договоре займа. В ст. 43 упоминается содержатель таверны («то-

²⁰ «Statuimus ne quis Sclavus aut Rusticus utriusque sexus aliquid immobile vendere valeat vel donare vel aliquo modo alienare. Ibi subsequenter additum est: nec etiam pignorarare aut modo aliquo vel ingenio obligare (Cod. dipl. Istriano, circa ann. 1300). «Отчасти подходит к тенденции этой статьи, продолжает Ягич, постановление статута Крчского: «ниедан лист, ки би писан од ких коли ричи, ни ина ниедча правда не мози биты становита, ако не буде пена вложена» (Arkiv, II, 288. Ягич В. В. Указ. соч., стр. 30, прим. 46).

²¹ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 38.

²² Kostrenčić M. Указ. соч., стр. 180—181, прим. 46.

вернар»), который дает в долг вино, и его «подружник» (может быть, подручник, приказчик). Ст. 44 имеет в виду купцов, дающих в долг, очевидно, либо товар, либо деньги. Наконец, ст. 63 говорит о долге, сделанном подкняжином или вообще кем-либо из княжеского двора («дворский официал»).

Ст. 43 называет договор займа итальянским словом «крденче». Ягич приводит в параллель этой статье постановление одной южноитальянской общины: «Quicumque tabernarius dixerit, se accredisse vinum alicui et ipsi tabernario fuerit negatum per debitorem, credatur eidem tabernario solo cum suo sacramento usque ad grana decem, et si ultra decem grana dictus tabernarius dixerit se auresse, probet per testes idoneos (Delle consuetudini e degli Statuti Municipali nelle provincie Napolitane, N. Allianelli. Napoli, 1873, pag. 153)²³. Действительно, мы тут имеем очень большое сходство, почти тождество, не только в содержании, но и в терминологии.

Вот и все, что дает нам Винодольский закон о договоре займа. По сравнению с Русской Правдой, где этот сюжет рассмотрен широко и обстоятельно, Винодольский статут кажется нам бедным. Несомненно, в самой жизни этот договор играл немаловажную роль. Краткость закона, вероятно, объясняется тем, что не было специального повода говорить об этом предмете более подробно. Русская Правда вынуждена была заговорить о долгах и процентах столь подробно, потому что в связи с событиями 1113 г., когда обострились классовые отношения, и, в частности, должники восстали против своих кредиторов, правительству пришлось идти на компромисс и внести в закон много нового, идущего навстречу требованиям восставших.

О праве распоряжения своим имуществом Винодольский закон, как мы могли в этом убедиться, говорит не раз. Естественно предполагать, что собственник мог распорядиться своим имуществом и по завещанию. Однако Винодольский статут упоминает завещание только один раз в добавочной, т. е. более поздней статье. В ней среди перечня способов приобретения имущества названо и завещание («за душу суено»). Ягич приводит много случаев завещания из глаголических грамот. В этих грамотах, между прочим, упоминается и князь винодольский, дающий монастырям земли, виноградники или мельницы «за душу». Частные лица нередко таким же способом обеспечивали себе посмертные молитвы монастырей. В купчих грамотах иногда встречаются характерные детали: «Он мози... удржати, уживати и даровати и заложити и за потребу свою

²³ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 60, прим. 121. Тут же приведено еще одно параллельное место из муниципального статута Ровиньи.

продати и за душу оставити». ²⁴ Но к сожалению все эти примеры относятся ко времени после составления Винодольского статута и не могут помочь нам определить время появления в практике завещаний.

Полицкий статут знает тестамент, но и Полицкий статут более поздний. Полицкий статут, однако, ограничивает право завещаний несколькими условиями: отец имеет полное право распоряжаться только той частью имущества, которую он приобрел лично, т. е. имуществом благоприобретенным, а не полученным по наследству от предков. ²⁵ Наследственное имущество он тоже может разделить по своему усмотрению, но с оговорками: если он делит перед смертью «...ние триби, да единому мимо другога прем све на смрти оиде ²⁶, а другога савсим ухили, него оноко како е достойно и подобно». Если же он, находясь в добром здравье, собирается делить имущество, то волен во всем своем («да колико у добру животу, човикъ ie волань своим свим»). ²⁷

Итак, о праве распоряжаться имуществом путем завещания Винодольский закон сообщает слишком мало. Мы можем только догадываться, что и в Винодоле, как это было и в Полице права завещателя были ограничены. Но в какой мере, мы этого не знаем.

Защите собственности посвящено много статей Закона (ст. ст. 7—11, 35—37, 49, 50 и др.). Этот сюжет разработан в Винодольском законе с особой тщательностью. Татьба ночью и татьба днем, татьба с «кличем» и без него, татьба в городе, татьба на пристани и татьба вне города, татьба вещей, принадлежащих князю, его двору, служилым людям или церкви, и татьба вещей, принадлежащих кметам,— все эти виды татьбы рассматриваются особо и наказуются неодинаково.

Закон больше всего защищает имущество привилегированного класса. «Если кто украл вещь, принадлежащую князю или его двору, или подкнежину, или служабнику, или кому-нибудь другому из вышеупомянутых (должностных лиц.— Б. Г.), ²⁸ он должен заплатить князю «осуд» от татьбы, как

²⁴ Ягич В. В. Указ соч., стр. 101, прим. 188. Тут приведено значительно большее количество подобных примеров.

²⁵ «Да ча годи човик принаиде и прибави али прикупи али издвори, али инако како годи достигне собом и (си) своим трудом ча би принчшао, топ сваки законь хоче, да е тим волань и слободань и у смртъ и у животь, или му за путь или за душу, или ча му годи угодно о-тоган учинити, рекучи онои ча е онъ особито нашао и добио или прибавио послѣ дила с ким дло има у племенщину...», ст. 49а. (Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium, pars I, vol. IV, стр. 56).

²⁶ «...Не следует, чтобы одному помню другого...».

²⁷ Там же, стр. 49в.

²⁸ Разумеется перечень в ст. ст. 29, 30. Там названы: подкнежины, дворцовые княжеские слуги, прманы, служабники.

выше сказано; пострадавшему же выплатить всемеро (против стоимости украденной вещи.— Б. Г.; ст. 35). ²⁹ К татьбе княжеских вещей приравнена и татьба вещей церковных, о чем и говорит ст. 36: «...Если бы кто украл вещь какой-либо церкви, или монастыря, или аббатства, подлежит штрафу («осуд»), как от кражи вещей княжеских или вышеупомянутых служилых людей».

Кража кметского имущества карается значительно легче: пострадавший от кражи кмет получает возмещение убытка только в двойной стоимости украденного. («Да кмет вазме за тадбу од одного два» (ст. 50). О ночной и дневной татьбе в городе говорится в ст. ст. 7 и 8: «Если бы кто в *городе* ночью разбил лавку или бы украл в ней (что-нибудь) и был бы тут кричавший «помогайте», преступник должен платить князю 50 либр. Кричавшие «помогайте» считаются заслуживающими доверия, если под присягой («с роту») скажут, что того преступника узнали. Если же при этом крика (о помощи.— Б. Г.) не было, то преступник не должен платить более 40 сольдинов и обязан вознаградить потерпевшего, как выше сказано (вдвое.— Б. Г.; ст. 8). Когда же это злодеяние совершено *днем*, преступник не должен платить более 40 сольдинов, если это можно доказать достоверным свидетелем» (ст. 7). «Если кто *ночью* украл какой-либо скот из хлева, жито из гумна или мед из улья, платит князю 50 либр, если при этом был клич «помогай». *Днем* — 40 сольдинов. Точно так же и *ночью*, если не было крика. Вознаграждение убытка двояне, как уже писано. Крик же должен быть удостоверен» (ст. 8). Ст. 24 разрешает каждому взывать о помощи, когда он видит, что совершается злодеяние.

Крик, сопровождающий поимку правонарушителя, весьма распространен у славян. В Русской Правде прямых указаний на это обстоятельство нет, но нет и противопоказаний. Мы вправе подразумевать его во время гонения следа (Кр. Русск. Пр., ст. 20, Простр. Русск. Пр., ст. ст. 70 и 77). В Польской Правде о крике говорится совершенно ясно: убийцу преследуют из деревни в деревню «mit Geschrey» (ст. 19). Пастух должен был кричать, если волк нападал на стадо. Если пастух этого не делал, то подвергался штрафу (ст. 31). ³⁰

В статуте города Сплета об этом говорится тоже очень подробно. «Ubiunque in campo spalatino fieret... aliqua proclamatio derobationis vel violentiae vicini alterius contratae illi, qui audierint proclamationem, teneantur in continenti ire et succurrere ad defensionem illius, qui receperet talem injuriam

²⁹ Князь в таком случае получал 50 либр; ст. ст. 6, 7, 8.

³⁰ Helcel. Starodawne prawa Polskiego pomniku. t. II, 56, ст.ст. 19, 31.

vel violentiam et ad eum adjuvandum et defendendum bona fide, sine fraude (Mon. hist.-jurid., I, 2, pag. 187).

Житель острова Пара об этом говорит: «Omnes audientes rumorem et ad eum non euntes reputantur latrones et talis condicionis quales sunt damnum volentes inferre (Mon. hist. Slav., II, 242).³¹

Кража на пристани Винодольской карается штрафом в княжескую казну в размере 24 либры (ст. 11). Наказания за кражу в городе от наказания за кражу в сельской местности отличаются тем, что штраф за кражу сельскую идет в пользу князя, штраф же за кражу городскую взыскивается в пользу городской общины, «опчини града, гди се та татьба учини». И в том и другом случаях штраф платит сам правонарушитель (ст. 37).

Возьмем ст. 62: «Если бы кто-нибудь подложил огонь в чей-нибудь дом, или в лавку, или в хлев, за первое поджигательство платит осуд княжескому двору 100 либр и вознаграждение за убытки тому, кому причинен ущерб; если же ему нечем заплатить, пусть будет осужден на смертную казнь». Поскольку земля находилась в частной собственности, поскольку возмещение ущерба идет тому, кто пострадал от поджога, вполне естественно, что и дом, лавка и хлев тоже являются частной собственностью. Отношения, возникающие из договоров по имуществу, подтверждают это положение.

Как мы уже видели, добавочная статья упоминает договоры: купли-продажи, дарения, заклада, знает и завещание. Чего-либо совершенно нового добавочная статья не заключает. В законе Винодольском мы встречаем те же договоры.

Ст. 42 говорит о передаче вещи другому лицу различными способами: хозяин вещи может ее дать, подарить, ссудить или отдать «каким бы то ни было способом» (по ки годи закон). Ст. 42 имеет в виду ключника, у которого обнаружена нехватка вещей, находящихся под его ключом. Ударение здесь сделано на стоимость недостающих вещей: если стоимость вещи не превышает 20 сольдинов, ключник в своей невиновности присягает перед евангелием, если превышает означенную сумму, он должен представить заслуживающих доверия свидетелей. Предполагается, что в случае обвинения ключник будет оправдываться. В законе приведены примерные варианты объяснений: «Да е дал или приказал или посулил вола да би дал ж нега коноби,³² ван по ки годи закон...»³³. Статья предполагает и другие возможные варианты, здесь не названные.

³¹ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 19—20, прим. 25.

³² Коноба — погреб, чулан с разными припасами. Конобарь — ключарь — cellarius (Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 59, прим. 117).

³³ Закон — здесь *conditio*, условие, способ (Там же, прим. 118).

Ст. 43 говорит о винооторговце, отдавшем свое вино в кредит и, вероятно, о человеке, торгующем вином, взятым в кредит, ст. 44 — о бухгалтерских торговых книгах в качестве судебного доказательства по денежному иску, ст. 45 — о сделках на землю, виноград и другие предметы, при которых возможны злоупотребления, ст. 63 — о долгах и их взыскании.

Все это вместе взятое позволяет нам сделать вывод о том, что частная собственность в Винодоле приобрела прочное право гражданства, что имущественное неравенство пустило корни достаточно глубоко и что расстояние между классами обозначилось вполне определенно. На суде отдельное лицо отвечает за себя лично, родственники от ответственности освобождаются. «Если присужденные к пене или штрафу не имеют никаких средств уплатить упомянутые пени и штрафы («пени и банди»), господин князь может распоряжаться их жизнью, как ему будет угодно» (ст. 74). Обвиненный в убийстве для своего оправдания должен очистить себя присягой сам — 50 (ст. 58). Хозяин дома, защищая свой дом, может безнаказанно убить разбойника на месте преступления (ст. 71).

Только в случае убийства княжеских мужей («од подкнежников или од слуг од обители»³⁴ кучне господина кнеза од прманов...), если преступник скрылся и найти его нельзя, князь получает «вражду» («вражду») деньгами в количестве, ему угодно; половину с родственников преступника («зврх племени злотворца»), потому что родственники не обязаны вносить больше, чем половину, с самого же преступника — другую половину. Если же поймают убийцу, то князь или его уполномоченный может наказать его по усмотрению, но родственники убийцы от наказания свободны (ст. 29).³⁵ Статья, очевидно, предполагает, что личность скрывшегося убийцы известна, поскольку половина «вражды» взыскивается с его родственников, а другая половина — с имущества убийцы. Если убийца найден, родственники не платят ничего. Почти то же самое происходит, если кто-либо убьет кмета или кого-либо из кметского состояния. Если убийца задержан, он и платит «осуд» полностью. Если не задержан, но (подразумевается) опознан, то платят половину осуда наследники, половину ближники (ст. 31). Разница между ст. 29 и 31 лишь та, что в первом случае «вражда» идет князю и размеры «вражды» определяет сам князь, во втором «осуд» — семье — 50 либр, ближикам — 50 либр и общине — 2 либры. Размеры осуда определяет закон. Стало быть, родственники (семья и ближи-

³⁴ Обитель, по разъяснению Ягича, это людской состав княжеского двора (Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 43, прим. 87).

³⁵ Здесь термин «племя» Ягич переводит словом «род».

ки) отвечают за убийство только в единственном случае, когда убийца известен и скрылся.

Параллель с Русской Правдой: «Аще убьют огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убийци, а людем не надо-бе...» (ст. 19 Кр. Русск. Пр.). «Аще убьют огнищанина в разбои или убийца не ищут, то вирное платити в ней же в вири (верви) голова начнет лежати» (ст. 20 Кр. Русск. Пр.).

С небольшими изменениями то же и в Пространной Русской Правде: «Аже кто убьет княжа мужа в разбои, а головника не ищут, то виревную платити, в чьей же верви голова лежит, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен» (ст. 3). «Будет ли головник их в верви... а головничество самому головнику» (ст. 5).

«Подкнежники» и «слуги од обители кучне господина кнеза, од прманов» Винодольского закона соответствуют огнищанину и княжу мужу Русской Правды. Кметы и люди «од рода кмет» — «людям» Русской Правды. На этом сходство и кончается. Дальше идет серьезная разница. Русская Правда никаких родственников в данном случае уже не знает, имеет дело с людьми. Как мы дальше увидим, и ближики — племя не соответствуют верви Русской Правды.

Подведем итоги.

1. Винодольский статут употребляет термин «община» в широком и узком смысле слова. Этим термином он обозначает и все государство, и отдельные его части.

2. Термины «племя» и «ближики», обозначающие одно и то же, являются пережиточными терминами, когда-то обозначавшими род, в XIII в. обозначают большую семью.

3. Большая семья в Винодоле XIII в. уступила место многоамной семье, хотя и продолжала существовать в виде пережитка.

4. За преступления отвечает сам преступник. Ближики обязаны участвовать в платеже штрафа за убийство, совершенное их сочленом, только тогда, когда убийца скрылся, но и то в половинном размере штрафа. Вторую половину вносит семья убийцы.

5. В такой же пропорции получают ближики и семья убитого компенсацию.

6. Следов коллективного родового имущества в Винодоле XIII в. нет совсем. Имущество движимое и недвижимое принадлежит частному лицу.

7. Частные лица имеют право распоряжения своим имуществом.

8. Ближики по закону не наследуют. Выморочное имущество переходит князю. По закону семья имеет право на наследство. Сыновья наследуют преимущественно перед дочерьми.

9. Частное лицо может распорядиться своим имуществом и по завещанию, но с некоторыми ограничениями, о которых Винодольский статут, однако, не говорит ничего. Мы можем об этом судить только по аналогии со статутом Полицким, который различает: 1) имущество, полученное завещателем от своих предков, и имущество благоприобретенное, 2) составление завещания в состоянии здоровья и в состоянии болезни (при смерти).

10. Винодольский закон знает отношения, возникающие из договоров по имуществу: купля-продажа, заем, дарение, заклад.

11. Винодольский закон защищает имущественные права частных лиц, отдавая в этом отношении преимущества людям княжеским и племенитым в отличие от кметов.

Полученные выводы позволяют с еще большей уверенностью говорить об институте частной собственности, как явления, глубоко вошедшем в жизнь винодольского общества. Частная собственность успела породить имущественное неравенство. При этих условиях вполне понятно наличие классов, а поскольку мы имеем дело не с обществом капиталистическим, то, следовательно, и сословий.

Нам остается выявить в Винодольском законе все то, что дает нам возможность судить о классовой структуре винодольского общества.

4. Люди племенитые

О них Ф. Леонтович писал так: «Племенитые люди, подобно кметам, составляли собственно фактический разряд, имели в своих общинах положение высшего класса людей, но не пользовались никакими юридическими преимуществами перед другими общинными людьми... Не видно, чтобы с званием племенитых людей соединялись какие-либо исключительные привилегии».³⁶

Ягич высказывался по этому предмету очень кратко, почти вскользь, но совсем по-иному. На вопрос, «какие были имущества «племенитых» людей сравнительно с «кметами», Ягич отвечал: «Разница заключалась в том, что кмет был крепостным князя, племенитый же, владея землей по праву собственности, не платил никаких податей князю от земли».³⁷ Иными словами, Ягич находит «юридические преимущества» племенитых людей «перед другими общинными людьми» в праве владеть землей как собственностью, в праве на принудительный труд крестьянина и в привилегиях податных.

³⁶ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 18.

³⁷ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 144.

Д-р Костренчич о племенитых людях пишет: «Племенитых людей, как развитой социальный класс, мы не находим в Винодольском законе. На основании этого мы полагаем, что под племенитыми людьми нужно подразумевать не кого иного, как княжеских служилых людей». Князья-де были заинтересованы в том, чтобы их служилые люди были отграничены от кметов.³⁸

Попробуем заглянуть в Винодольский закон. Здесь племенитые люди упоминаются в трех статьях (5, 54, 75).

В ст. 5 говорится о том, что князь и епископ во время своих поездок по Винодольскому княжеству имеют право пользоваться для пропитания своего и своей свиты и княжеской семьи быками и баранами, кому бы этот скот ни принадлежал: кметам, «племенитым людям», попам или кому-либо иному, но князь и епископ должны платить за взятый ими скот. Из этой статьи вытекает, что «племенитые люди» владеют скотом (быками и баранами), следовательно, у них есть свое хозяйство.

Отсюда же вытекает и то, что племенитые люди — люди местные, отличающиеся от людей княжеского двора, с которыми князь ездит по княжеству.

Ст. 54 запрещает кмету на суде быть защитником (одговорник) племенитого человека и также племенитому человеку выступать на суде в защиту кмета, если на это нет специального разрешения князя. Стало быть, закон признает и подчеркивает социальную разницу между двумя классами — крестьянством и племенитыми людьми, которых Ягич не без основания называет дворянамч.

Ст. 75 подчеркивает полное право князя на все виды штрафов и иных поступлений («од всих банди, заговори и речени»), с кого бы они ни взыскивались — с людей племенитых, церковных, кметов или со всех иных людей.

Вот и все, что мы имеем о племенитых людях в Законе Винодольском. Очень немного. Но все же отчаиваться не приходится. Если мы знаем общую хозяйственную обстановку, если мы имеем данные о классах винодольского общества, если у нас есть возможность определить соотношение этих классов между собою, то нам уже не очень трудно более расширенно понимать и те краткие указания, которые дает нам о племенитых людях Винодольский закон. К тому же в данном случае мы имеем и некий дополнительный к Винодольскому закону материал.

Когда Ягич настаивает на том, что племенитые люди — привилегированные землевладельцы, дворяне, то он опирает-

³⁸ Kostrenčić M. Указ. соч., стр. 188, прим. 104.

ся не столько на данные Винодольского закона, сколько на показания глаголической грамоты 1428 г. (№ 28), где, как он пишет, «вместо «кметов» и «племенитых» нашего статута... различались в городе Брибуре (в Винодоле) «плчане» и «властеле».³⁹

Но, если нельзя сомневаться в том, что кмет есть действительно полчанин (полк — народ), то отождествление «властелей» с людьми племенитыми требует дополнительных доказательств и может быть принято только как гипотеза. Ведь «властелями» могли называться и люди, находящиеся на княжеской службе, о привилегиях которых Винодольский закон говорит совершенно ясно. Так, между прочим, и думает д-р Костренчич, ссылаясь при этом на Кркский статут, где «сотник» отнесен к категории «властелей»⁴⁰ (в Винодольском законе сотник не входит в состав властелей).

Дополнительным материалом для решения этого вопроса в значительной мере может служить Полицкий статут, тоже знающий людей «племенитых». Но знает он их в двух разновидностях: «властеле» и «дидичи», иногда называвшихся «племенитыми властелями» и «племенитыми дидичами» [ст. ст. 23а (17), 91 (250)]. Они считались классом землевладельческим, под властью которых находились кметы. «Ако човик племенит и има кмете свое, пристав тадь не има се похитити на кучу негову, него на кмета негова» [ст. 72^b (141)].⁴¹

Поскольку население Полицы — это те же хорваты, которые населяли Винодол, поскольку Полица и территориально лежит недалеко от Винодола, поскольку, наконец, общественные отношения здесь и там развивались приблизительно параллельно, мы имеем право использовать показания Полицкого статута о племенитых людях как дополнительный к Винодольскому закону источник, тем более, что в самом Винодоле, в городе Брибуре, мы встречаем терминологию Полицкого статута.

Вообще же терминология источников, подобных Винодольскому закону, Полицкому статуту, Русской и Польской Правды, — вещь довольно относительная: часто одни и те же или очень близкие по содержанию предметы тут называются разными терминами в зависимости от места, где переписывался или редактировался документ. Таковы, например, термины Русской Правды: мир и вервь, рядович и закуп, огнищанин и княж муж, войский и свойский конь и др.

³⁹ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 144—145.

⁴⁰ Указ. соч., стр. 188, прим. 104.

⁴¹ Monumenta historico-jurid. Slavorum meridionalium, pars I, vol. IV, стр. 36, 79, 95.

Показания Полицкого статута о том, что «племенитые» люди состоят из двух основных слоев — «властелей» и «дидичей», находит полную аналогию в Киевской Руси, где мы имеем тоже два основных слоя знати: бояре и старцы. Последних иногда называют земскими боярами. Мне кажется, мы то же видим и в хорватском обществе XIII в. Теоретически рассуждая, иначе и быть не могло: прежде чем служба королям и князьям стала создавать новую знать, старая знать — «старцы», «нарочитые мужи», «старейшины» — уже имела длительную свою историю.

В ожидании, когда специалисты разрешат окончательно вопрос о племенитых людях на более широком материале, мы все же попробуем сделать несколько обобщающих выводов, не всегда претендуя на их полную точность.

1. В Винодоле высший класс общества носил название людей племенитых.

2. Племенитые люди — это экономически и политически наиболее сильные люди.

3. Они пользуются рядом привилегий: владение землей и крестьянским, живущим на этой земле, населением, некоторыми податными льготами.

4. Этот класс мы имеем все основания считать в то же время и сословием, поскольку он обладает не только экономическими, но и правовыми привилегиями.

5. К числу племенитых людей, подобно тому как это имело место в Полице, можно отнести и людей, вступивших на службу князю, его «двор».

Эту последнюю категорию племенитых людей необходимо рассмотреть особо.

5. Служилые люди князя

Небольшое количество статей Винодольского закона посвящено князю и княжескому окружению, его «двору», в смысле комплекса служилых людей, выполняющих как государственные, так и хозяйственно-административные функции по княжескому домену. О князе говорит больше чем тридцать статей, о княжеском дворе — около двадцати пяти.

Князь всегда окружен своими служилыми людьми. Когда он едет по своему княжеству, его сопровождают его двор и семья. Он имеет право за плату требовать от населения продукты питания, необходимые для него самого, для его семьи и для двора («за се и за свою обител и за вес свой двор»; ст. 5). Служилые люди обязаны службой княжескому двору. Князь следит за тем, чтобы служба выполнялась добросовестно и иногда поручает своему агенту за особую плату открыть злоупотребления по службе («знайти ники худ официи»,

ст. 45). «Официя» — это не подать, не рента, а именно служба. Никто не может требовать долга у подкнежина или какого-либо «дворского официала», если не заявит своего требования в течение года после прекращения его службы («изшастие истога официа»; ст. 63).⁴² Таковы, например, сотник, грашник и бусович.⁴³ «Официал» — служилый человек. «...личба (поличное, лицо, — Б. Г.) ест верована (доказана, признана за верную) и море бити пред господином кнезом и пред *всаким нега официалом...*» (ст. 61). Если бы кто-либо незаконно держал выморочное имущество («ошастно»), которое по закону принадлежит княжескому двору, и если князь или его «официал» обнаружили бы это, ответчик должен платить князю за каждый год незаконного пользования ошастным (ст. 33).

«Официю» выполняют и люди, служащие не непосредственно князю, а несущие службу общинную.⁴⁴ Но эти обложенные властью от общины лица стоят рангом ниже княжеских служилых людей, «служабников». Закон об этом говорит совершенно ясно. Одинаковому с кметами наказанию за драку, причинение ран и побоев подлежат сотник, грашник и бусович, которые в данном случае приравнены к кметам, а не служилым людям («...Од сатника и грашчика и бусовича, ки в сих есут под закон и под правду кметску, а не от служабники...», ст. 25). В случае кражи кмет от вора получает возмещение убытка в двойном размере, княжие люди — в семикратном (ст. 50). За покушение из засады на жизнь княжеских служилых людей («подкнежников, илч служабников, или прман») полагается 50 либр. За побои и раны, причиненные княжеским служилым людям, положено 25 либр, за отсечение какой-либо части тела, отчего пострадавший не мог бы уже восстановить здоровье, князь наказывает по своему усмотрению (ст. 30). В случае нанесения побоев и причинения ран кмету налагается на виновного не свыше 40 сольдинов, князю и пострадавшему — два барана и за лечение (лекарство) (ст. 25). Убийство княжого человека карается по усмотрению самого князя (ст. 29); за убийство кмета взыскивается 100 либр (50 детям убитого, 50 родственникам) и 2 либры общине (ст. 31).

⁴² Термин прилагается и к обязанностям попа: «...Всяки поп, ки има црикав в граду, дужан је всаки дан служити машу и свети други *официи...*» (ст. 58).

⁴³ То же, что «лице» Русской Правды — поличное. (Простор. Русск. Пр., ст. ст. 22, 34, 36—39, 44 и др.).

⁴⁴ «...Сатнику и грашчику и бусовичу нима се веровати в ниединой речи, ка би учинена в них врима, ка би пристоела к ним *официю*, невече одним летом, ко приде по них изшастю *официа*» (ст. 26).

Совершенно очевидно, что служилые люди резко отличены от народной массы. Из сопоставления ст. 31 со ст. 29 не трудно сделать вывод, что служилые люди успели значительно оторваться от общины (штраф за убийство служилого человека идет только князю), тогда как крестьянская масса продолжает еще держаться некоторых пережитков общинных старых обычаев (штраф за убийство кмета идет его родственникам и семье, а частично и общине). Но и в самой служилой среде есть свои ранги и положения. Таковы: «дворник» (начальник двора, *palatinus*), подкнежин, судац, прман. Их назначает князь. Винодольский закон не сообщает, из какой среды берет князь своих официалов, но мы можем догадаться, что едва ли высокие должности при княжеском дворе выполнялись людьми из кметского класса. Могли, конечно, быть и исключения, но, как правило, этого никогда не бывало ни в одном классовом государстве и, естественно, не могло быть и в Винодоле.

Так как эти должностные лица составляли аппарат княжеской власти, то мы и вернемся к рассмотрению их места в государственном строе Винодольского княжества в главе об аппарате княжеской власти.

Итак, Винодол знает высшее сословие «племенитых людей» — землевладельцев. Нетрудно догадаться, кто работает на землях племенитых людей. Это, несомненно, крестьяне, которые в Винодольском статуте называются кметами. Винодольский закон уделяет специально кметам значительное внимание.

6. Кметы

Винодольский закон называет кметов в ст. ст. 5, 17, 25, 31, 36, 50, 54, 73, 75. Он же говорит о «кметской правде» или о «кметском законе» (ст. 25) и один раз дает понять, что, кроме кметов в узком смысле слова, есть еще люди, приближающиеся по своему положению к кметам. «Ошче ако би ки убил никога кмета или од рода кмет» (ст. 31). Ни о каком роде, как общественной ячейке, объединяющей своих членов узами родства, здесь речь не идет. Совершенно правильно переводит этот текст Ягич: «Если бы кто убил какого кмета (крестьянина) или человека кметского рода (принадлежащего крестьянскому состоянию)...»⁴⁵ Мы уже видели, что в Винодольском законе употребляется другой термин для обозначения родства — это «племя» и «ближники».

Очень много для понимания правового положения кмета дает ст. 17. «Ошче ниедан од кмет и од луди опчинских не море пойти пребивати и в ниедну црикав, ни в ниедну опатию,

⁴⁵ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 47—48.

или в молстир служити или се онде положити за обарительника, ако ни с волу кнеза и опчине» (ни один кмет и общинник не может уйти (из общины) ни в какую церковь, ни в какое аббатство, чтобы там жить, или в монастырь работать, или наняться куда-либо в сторожа, иначе как с разрешения князя и общины).

Этой статьей оберегаются права общины на свою целостность. Тут рассматриваются кметы и люди общинные вместе, как члены одной общины. Только князь и сама община могут разрешать общинникам уход из общины. Община заинтересована в том, чтобы сохранить своих членов. Так как здесь имеется в виду община территориальная, иначе соседская, связывающая своих членов интересами частью хозяйственными, частью правовыми (общая ответственность за преступление своих членов, право на получение некоторых штрафов, участие в поимке преступников, податные повинности и т. п.), то естественно, конечно, полагать, что община как коллектив, заинтересована в том, чтобы сохранить свой людской состав, уменьшение которого увеличивало тяжесть повинностей всей общины. Другого объяснения этой статьи найти трудно.

Кмет есть член общины.

Очень важна для нашей темы ст. 31, к сожалению, дошедшая до нас в испорченном виде.

Ст. 31: «Ошче ако би ки убил никога кмета или од рода кмет, да би се не могал ети, впали в осуд либр сто ближикам онога града ки е убиен, опчини либри дви. Од тих либар 100 има имити дитца убиенога, ако има дитцу, имаю имит половицу, а други пол нега ближики. Та осуд кривац плати. Ако убигне, имаю нега ближике осуд платит пол, а пол нега реди, ако е има. Да ако се ети море приа нер се вражба плати вола ако е учинена направа, буди од нега мащени, а нега ближики будите прости».⁴⁶

Ягич, разбирая эту статью, находит в ней пропуски и вставки и предлагает иное чтение текста: «...Ако би ки убил никога кмета или од рода кмет, впали в осуд либар 100 ближикам онога, ки е убиен, опчини града в ком е убиен либ-

⁴⁶ Перевод Ягича: «Если бы кто убил какого кмета (крестьянина) или человека кметского рода (принадлежащего крестьянскому состоянию), он подпадает под пеню 100 либр родственникам убитого и 2 либры общине. Половину этой сотни либр (т. е. 50 либр) должны получить (у Ягича «достать») дети убитого, если у него есть дети, другую же половину (т. е. 50 либр) — его родственники. Эту пеню (осуд, штраф) уплачивает преступник (виновный). Если же он убежал, в таком случае родственники его должны уплатить половину, другую же половину его наследники, если у него есть таковые. Если же удастся поймать его, прежде чем вражда оплачена, или же будет заключена полюбовная сделка, в таком случае ограничиваются наказанием убийцы, родственники же его да будут свободны».

ри 2. Од тих либар сто им имити дитца убиеного, ако има дитцу, имаю имит половицу, а други пол нега ближики». ⁴⁷ Смысл статьи ясен. Если кто убил какого-либо кмета, осуждается на пеню в 100 либр родственникам убитого и 2 либры в пользу общины. Тут же разъясняется, как следует распределить штраф в 100 либров: половина его идет детям убитого, если у него есть дети, другую половину получают родственники. Две либры причитаются общине, к которой принадлежал убитый.

Чтение, предлагаемое Ягичем, осмысляет текст и не противоречит всему тому, что мы знаем и об общине, и о кметах.

Выясняется, что у крестьянина есть своя семья, которая имеет право получить половину штрафа за убийство ее главы, есть и родственники — ближики, которым причитается вторая половина. Убийство крестьянина, члена общины, наносит ущерб и самой общине, которая тоже получает, правда очень небольшую по сравнению с основной суммой штрафа, компенсацию.

Ст. 25 касается кметов и кметской среды, как особой группы общества, отличающейся своими правами от привилегированной его части.

Ст. 25: «Още од биене, ранене и од стучене *мею кмети* ни банд него солдини четрдесет, ке кривац има платити кнезу; а оному, ки буде биен, два брва тер ликарию.

А то такое од сатника и гращика и бусовича, ки в сих есут под *закон и под правду кметску*, а не от служабники, и по *закону кметскому* судет се и ним е за уражене задоволе учинено». ⁴⁸

Ягич смело утверждает, что под «законом и правдой кметской» нельзя разуметь какого-либо законодательного сборника: «О *leges rusticae*, *ὄρος γεωργικός* Византийской империи здесь нельзя думать». ⁴⁹ У Ягича есть свои основания, но невольно вспоминается здесь наличие в Пскове «смердых грамот», повидимому трех, разного времени, причем наиболее ранняя из них может быть отнесена не позд-

⁴⁷ Ягич В. В. Закон Винодолский, стр. 48.

⁴⁸ От драки, ранения и побоев между кметами не полагается пеня свыше 40 сольдинов, которые виновный должен платить князю; а тому, кто будет побит, 2 барана и лекарство (ст. 39). Тому же подлежит сатник, гращик и бусович, которые в этом случае находятся под законами правды кметской, а не «служабники». Их (сатника, гращика и бусовича) судят по закону кметскому и им за «уражение» (повреждение. — Б. Г.) в достаточной мере установлено. (Ягич переводит иначе: «И им достается удовлетворение только за повреждения»).

⁴⁹ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 39.

нее, чем к 30-м годам XII в. ⁵⁰ Нельзя тут не вспомнить также уставы о холопах или о закупах, вошедших в состав Пространной Русской Правды.

Если даже допустить, что Ягич прав, и что в Винодоле не было письменного устава о кметах, то, несомненно, существовала «кметская правда», хранящая в памяти знатоков права, тех, о которых говорит Винодолский закон, которые «помнят законы своих отцов и то, что слушали от своих дедов». ⁵¹

Этот, допустим, неписанный закон указывает на то, что в сознании общества кметы выделены в особую часть населения со своими особыми правами. Эту мысль подтверждает и ст. 54, запрещающая кмету выступать на суде в качестве защитника племенитого человека (дворянина, именитого человека, — Б. Г.), равно как и «племенит» не может быть защитником кмета. Это разрешается только с дозволения князя («не море... през прощене двора»). В свете этих показаний совсем неубедительно звучит мнение Ф. Леонтовича о том, что между племенитами и кметами «еще в полной мере господствует идея общинного равенства, без резких сословных разграничений. Племенитые люди, подобно кметам, составляли собственно фактический разряд, имели в своих общинах положение высшего класса людей, но не пользовались никакими юридическими преимуществами перед другими общинными людьми». ⁵²

Ягич о кметах мыслит не очень отчетливо, но совсем иному. На поставленный им самим вопрос: «Какие были преимущества «племенитых» людей сравнительно с «кметами», он отвечает: «Разница заключалась в том, что кмет был *крепостным князя* (курсив мой. — Б. Г.), племенитый же, владея землею по праву собственности, не платил никаких податей князю от земли». ⁵³

Винодолский закон не дает сколько-нибудь полных материалов для суждения о правовом положении кмета. Ягич, высказавший столь определенное и в то же время рискованное мнение о кмете, как о «крепостном князя», имел в виду не текст Винодолского закона, а несколько очень важных грамот более позднего времени, уже XV в. «В 1450 г... кмет винодолский, — пишет Ягич, — был обязан «вознею и поклоном», т. е. он должен был сваживать разные предметы в

⁵⁰ Греков Б. Д. Смердых грамоты, Исторические записки, № 24.

⁵¹ Закон Винодолский, изд. Ягича, стр. 4.

⁵² Леонтович Ф. Древнее хорватско-далматское законодательство, Одесса, 1868, стр. 18.

⁵³ Ягич В. В. Закон Винодолский, стр. 144.

«двор» князя или «монастыря», «покланять», т. е. дарить или отдавать известную долю всех своих доходов и, наконец, «тяжать» (тежать, сл. тягло), т. е. обрабатывать земли, по крайней мере виноградники своего властелина (см. Acta Croatica, № 52). В грамоте 1457 г. (ibid., № 64) глагол «чинити службу», встречаемый в Законе Винодольском, выражен лучше: «Потежати се на нашу службу», а доходы одного имения («доходки и приходище») обособлены следующими выражениями; «бира, осуд, разлога, повоз, десетина; слова «бир» и «вино» (т. е. «десетина» от вина) обозначают повинность «барскую» в грамоте 1455 г. (ibid., № 62)». ⁵⁴

В 1381 г. князь Стефан освободил Спасский монастырь в Велье от податей с виноградников. В 1455 г. князь Дуям освободил другой монастырь от подати мельничной. Братчины (религиозные общества) при дележе имущества должны были давать князю десятую часть. Стало быть, это все хозяева, собственники и прежде всего, конечно, землевладельцы. ⁵⁵

Уже из приведенных Ягичем текстов видно, что никаких оснований нет для того, чтобы признать кметов «крепостными князья». Кмет может быть обязан повозом одинаково как князю, так и монастырю, а стало быть, и другим землевладельцам. То же надо сказать и относительно обработки земли. Сам Ягич пишет о повинностях «барских». А барин — не только князь. Стало быть кмет обязан был повинностями, должен был платить ренту своему хозяину-землевладельцу, кто бы он ни был: князь, монастырь, официал — служилый человек. Зависимость кмета в этом случае абсолютно неизбежна: добровольно кмет не стал бы работать не на себя. XV в. от XIII в. в этом отношении принципиально ничем не отличается. Если в XIII в. налицо классы-сословия, из коих один высший привилегированный, землевладельческий, то совершенно ясно, что этот высший класс-сословие живет за счет эксплуатации другого, приниженного, обязанного под давлением закона, на страже которого стоит государство. Этот поставленный в зависимость класс и обозначен в Винодольском законе термином «кметы».

Д-р Костренчич говорит о кметах в главе о правах и положении князей винодольских и их «двора» («obitelj») и упоминает кметов в связи с вопросом о княжеских доходах, «eo ipso и доходах его служилых людей». Стало быть, д-р Костренчич в своей трактовке кметов примыкает к Ягичу. Д-р Костренчич отмечает, что в Винодольском законе «мало

⁵⁴ Там же, стр. 128, примечание.

⁵⁵ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 129.

говорится ...об обязанностях кметов по отношению к своему господину». ⁵⁶

Для освещения вопроса о хозяйственном положении кмета Винодольский закон дает очень мало материала. Ст. 5 называет кметский скот, быков и баранов. Ст. 50, рассматривая вопрос о краже скота и других предметов, между прочим, называет и «говедо великое». Из дальнейших указаний видно, что этот крупный скот может принадлежать как кметам, так и княжам мужам («двор кнеж или служабници»). За покражу скота кмет получает возмещение убытка в двойном размере против цены скота, княжьи мужи — в семь раз. Больше прямых указаний на хозяйство кметов в Винодольском законе нет. Но есть много косвенных.

Когда Закон говорит об общинниках, о людях всяких, то, конечно, подразумевают и кметов. Ст. 66, например, посвящена людям, живущим вне городов («вани из града») и называет их пастырями и орачами. Речь идет, конечно, о сельском населении, т. е. крестьянстве, которое, как видно из нескольких указаний Закона, занимается земледелием и скотоводством.

Мы уже имели случай познакомиться с хозяйством Винодола и могли убедиться в том, что Винодольский закон подразумевает два основных типа хозяйства: более или менее крупное, принадлежащее людям племенитым, и мелкое крестьянское.

Так как Винодол — страна земледельческая, то и хозяйство крестьянина, конечно, обычное сельское хозяйство; кроме земли, обработанной под хлеб, у кое-кого из крестьян может быть и сад и даже виноградник, но едва ли это могло быть явлением общим. Виноградник и сад в сколько-нибудь значительных размерах требуют специальных навыков и большой затраты труда, что едва ли могло быть доступно среднему крестьянину, вынужденному в поте лица добывать себе прежде всего хлеб.

Несомненно, тот же крестьянин, попадая в зависимость от землевладельца (князь, племенитые люди, монастырь) вынужден был своим трудом кормить и своего хозяина.

К сожалению, Винодольский закон на этой стороне дела не останавливается, и мы ничего определенного об этом не знаем.

Равняться по Полицкому статуту, где есть совершенно ясные указания на зависимость кметов, мы, конечно, можем, и едва ли тут будет допущена с нашей стороны большая

⁵⁶ Kostrenčič M. Указ. соч., стр. 191.

вольность. Но в таком случае пользоваться подобным способом доказательства мы должны со специальной оговоркой. Ст. 72^b (141) Полицкого статута мы уже цитировали на стр. 37. Там говорится о племенитом человеке, у которого есть «свои кметы» и который пользуется иммунитетом. Впрочем, на то же ясно намекают и те грамоты, которые привел Ягич в доказательство наличия зависимых кметов.

Все ли кметы находятся в таком положении или еще осталась какая-либо часть кметов независимых — вопрос пока остается открытым. Однако мы имеем все основания считать винодолское общество классовым, и класс крестьян антагонистичным классу людей племенитых.

Косвенным подтверждением именно таких общественных отношений может служить Мощеницкий статут, в предисловии которого о целях составления Статута сказано: «I zato za mirneje živet kmeti s gospodum i gospoda s kmeti da vieki, oče bit zapisano sve ovde sdola pravo i verpo, kako se je prvo ovrševalo»,⁵⁷ т. е. увековечены мирные отношения между господами и кметами.

Итак, что же нам дает Винодолский статут по вопросу о кметах?

1. Кмет — несомненно крестьянин.

2. Кмет — член территориальной общины.

3. У кмета своя семья, но он связан еще и с боковыми родственниками.

4. Права кмета зафиксированы в особой кметской правде, все равно, была ли она записана или хранилась в памяти.

5. Кметство — приниженный класс феодального общества — защищается Винодолским законом значительно меньше, чем тот же закон защищает людей племенитых.

6. Кметы (часть или все — неизвестно) обязаны рентой в пользу своих хозяев — землевладельцев и в то же время несут повинность в пользу государства.

Перед нами феодальное общество, и естественно, что винодолское кметство ничем по существу от крестьян других феодальных стран соответствующего времени не отличается.

7. Рабы

Винодолский статут рабов ни разу не упоминает. Но это совсем не значит, что Винодол в этом отношении представляет исключение. Рабство известно у всех европейских народов в определенную пору их историй, в том числе и у славян.

⁵⁷ Kostrenčić M. Указ. соч., стр. 125

Винодолский закон вообще слишком краток и многих сюжетов не касается вовсе. Вероятно, это объясняется тем, что статут составлялся в особой обстановке и с особыми целями: вероятно, винодолские общины старались гарантировать от покушения иноземной власти те свои установления, которыми могла заинтересоваться иноземная власть. Институт рабства, везде распространенный в это время, очевидно, не возбуждал в законодательном собрании никаких опасений.

Мы имеем все основания полагать, что в Винодоле XIII в. рабы были. «*Servi et ancillae*» упоминаются в грамоте короля Терпимира 837 г.,⁵⁸ в грамоте короля Мучимира 892 г.,⁵⁹ в грамоте короля Свинимира 1076 г.⁶⁰

Грамоту жупана Беляка и воеводы Радича о передаче земли в 1391 г. писал: «раб жупана Беляка и воеводы Радича».

В грамоте 1458 г. король Боснии дает логофету Стефану Остоичу «у нашем русагу сто куч луди, лакочере да их има у башину, како и оваи ви же писана села, онь и негова детца и негови последни у веки векомь».⁶¹

Полицкий статут знает рабов, но подобно Пространной Русской Правде борется с этим институтом. Полицкий статут в ст. 98 (197—199) вспоминает старый закон о том, что пленный делался рабом того, кто его взял в плен, но позволялось брать за пленного выкуп. Статут вносит новое постановление. «Да сада Полица чине законь милостивии, ере ча е меу братьом поличани, тои се не море обслужити; да ли добро е, да буде николико за почтенье оним, ки би се потрудили; право е, да сваки трудь свою плачу приме. И паки каковь кои трудь и каково кое ризиканье вече алимане, трибуе разгледати».⁶²

Итак несмотря на молчание Винодолского закона, мы не имеем права отрицать наличия рабов в Винодоле. Мы только можем высказать предположение, что рабы в винодолском хозяйстве играли скромную роль. Иначе закон сказал бы о них хотя бы несколько слов.

Но ведь Винодолский статут ни словом не обмолвился вообще о непосредственных производителях в имениях людей племенитых и только на основании специально сверх статута

⁵⁸ Kukuljevič I. *Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*, p. I, стр. 3.

⁵⁹ Там же, стр. 6.

⁶⁰ Там же, стр. 19.

⁶¹ Miklosich Fr. *Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosniae, Ragusii*. Vienne, 1858, стр. 219, 481 и др.

⁶² *Monumenta historico-juridica*, p. I, vol. IV, стр. 100.

привлеченных источников мы имели возможность убедиться, что винодольские землевладельцы пользовались трудом зависимых от них кметов. Тут же, очевидно, работали и рабы.

8. Город и община

Теперь, после того, как мы ознакомились с состоянием винодольского общества, с его классами-сословиями, нам легче будет понять и характер винодольских общин, и отношение их к городам.

Винодольский закон очень часто пользуется выражением «община града». ⁶³ Это обозначение требует расшифровки.

Нам известно, что Винодол в момент составления Статута состоял из девяти «градов». О селах или деревнях, как впрочем и о многом весьма существенном другом, Винодольский закон прямо не говорит совсем. Значит ли это, что население Винодола было сосредоточено в городах и не знало ни сел, ни деревень? Конечно, не значит. В грамотах самого начала XIV в. упоминаются селения Повиле (в окрестностях Новиграда), Буковдол (там же). В середине XIX в. Повиле и Буковдол известны в качестве сел. В грамотах XV в. упоминаются села Приквеница, Белград, Злобин, Копор, Мартинщица, Сельца и др. ⁶⁴ О наличии сельского населения говорят и другие показания самого Винодольского закона.

Ст. 66 говорит о жителях «вне града» (вани из града) и называет их пастырями и орачами. Отсюда мы можем сделать вывод, что в городах жили не пастыри и орачи, по крайней мере не они составляли основную массу городского населения. ⁶⁵ Трудно согласиться с Ф. Леонтовичем, когда он утверждает, что «кмети» — общее название городских и сельских жителей («орачей и пастырей»). ⁶⁶

Стало быть, несмотря на молчание Статута или, точнее, на основании не совсем ясного его намека, мы смело можем утверждать наличие в Винодоле и городов и сел, а следовательно и городского и сельского населения.

Мы уже видели это сельское население, когда рассматривали положение винодольских кметов, и могли убедиться, что кмет — общинник-селянин. Полезно здесь напомнить некоторые сочетания понятий: кметы и люди кметского рода

⁶³ «Опчина онога града, где буде учиннено» (ст. 14), «од опчине града, гди е» (ст. 16), «опчина града, где се та татба учини» (ст. 37), «опчини онога града, в ком се то учини» (ст. 58) и др.

⁶⁴ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 143—144.

⁶⁵ «Йоше вани из града пастыри и орачи и ини луди...» (ст. 56).

⁶⁶ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство. стр. 18.

[«Ошче ако би ки убил никого *кмета* или од *рода кмет*» (ст. 31)], кмет и общинный человек [«Ошче ниедан от *кмет* и од *луди опчинских*...» (ст. 17)].

Какая разница между кметом и человеком «опчинским» или кметом и человеком «од рода кмет»? Этим вопросом уже интересовался Ягич и отвечал в том смысле, что существенной разницы здесь нет. Как кметов, так и людей «опчинских» он считал «простым народом». ⁶⁷ Едва ли можно сомневаться в том, что кмет поставлен рядом с человеком общинским по семантической близости этих двух понятий, подобно тому как кмет и человек кметского состояния. Кмет и человек общинский, конечно, члены общины. Но какой? Сельской или городской? Или, может быть, город вместе с прилегающими к нему селами составлял тоже общину? ⁶⁸

Винодольский статут дает возможность ответить на эти вопросы. О городе Статут говорит часто. В ст. 3 упоминается город в связи с визитацией епископа: если епископ приедет в какой-либо город винодольский, попы этого города должны дать епископу один обед и один ужин. Однако же они не обязаны выносить этот обед или ужин из пределов города («ван из именье онога града»). «Ван из ...града» статьи 3-й — это то же, что «вана из града» статьи 66-й. Город и то, что лежит вне города, где живут орачи и пастухи, различаются здесь достаточно ясно.

Кража в городе и вне города тоже различается: «Йошче ки би в граду храм (лавка) разбил в ноци вола ако би украд у нем...» (ст. 7). «Ошче ако нигдо в ноци ие украд в осики (хлев.— Б. Г.) ники скот, вола на гумну, жито, вола ва-улници... мед...» (ст. 8). Здесь, во-первых, не случайно говорится два раза в двух смежных статьях (ст. ст. 7 и 8) о краже, за которую полагается в пользу князя одинаковый штраф в 50 либр; во-вторых, по предметам кражи и помещений, из которых она произведена, видно, что речь идет о городе и деревне; ограбление лавки в городе (ст. 7), ограбление хлеба, гумна, места, где хранится мед (ст. 8) — это, несомненно, больше похоже на деревню, чем на город.

Ст. 37 еще раз напоминает о разнице в татьбе, происшедшей в городе или деревне. Штраф идет общине *города*, где

⁶⁷ «Кто были люди общинские сравнительно с кметами? Вероятно, также простой народ, только что их земля непосредственно принадлежала общине или, может быть, не было у них земли» (Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 32, прим. 50). Догадка Ягича о земле ничем не подтверждена и едва ли может считаться удачной.

⁶⁸ Знаменитое обращение кн. Ольхи к древлянам: «...Вси взши гради предашася мне... и делают нивы своя и земли своя» имеет в виду города-убежища (Повесть временных лет под 946 г.).

совершилась кража.⁶⁹ По ст. 48 половину штрафа за превышение причитающегося вознаграждения за труд пристава последний должен внести *городу*, в котором он живет («град, гди буде»).

Это противоположение города и деревни, штрафов в пользу городской общины и в пользу князя заслуживает большого внимания. Объяснение Ф. Леонтовича едва ли может быть принято. По его мнению, право городской общины на штраф за кражу в городе «говорит о силе и крепости самих общин, куда в обыкновенных случаях еще мало проникала власть князей. Им непосредственно подчинялись только лица, находившиеся в ближайших к ним отношениях».⁷⁰ Леонтович не объяснил, почему именно сельское население находится в более близких отношениях к князьям, чем городское; не раскрыл, что такое «обыкновенные случаи», не допускавшие проникновения княжеской власти в жизнь общины; не уточнил, что значит «еще» в фразе о недостаточном проникновении княжеской власти в жизнь общины. Ягич уже в 1880 г., т. е. 12 лет спустя после выхода в свет труда Леонтовича, высказал свое замечание: «...Отношения винодольского князя к общинам винодольским совсем не были такие, как их рисует почтенный историк русского права».⁷¹

Последний по времени исследователь Винодольского закона д-р Костренчич тоже разошелся с Леонтовичем. Д-р Костренчич в своей работе несколько раз подчеркивает разлагающее влияние княжеской власти на общинный строй. Он говорит также о том, что феодальные отношения шаг за шагом подтачивали общинный строй.⁷²

В городе организована специально городская система охраны, в которой граждане обязаны участвовать принудительно. Об этом говорит ст. 15: «Каждый поп обязан стоять на страже ночью в городе («стражу стричи в ночи в граду») наравне со всяким другим человеком».⁷³

⁶⁹ Ни за одну татьбу, случившуюся днем, не назначается более 40 сольдинов. Столько же и за татьбу ночную, за исключением, если... татьба совершилась в городе (ст. 37).

⁷⁰ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 34.

⁷¹ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 82, прим. 158.

⁷² Kostrenčić М. Указ. соч., стр. 200.

⁷³ Статут Сплета говорит об этом еще подробнее: «Dicti custodes debeant esse cives et habitatores dictae civitatis spalati et majores aetate decem et octo annorum... non teneatur orphani uiduae et miserabiles personae, quae non habent in eorum domo vel familia aliquem masculum sufficientem ad ipsam custodiam» (Monumenta hist.-jurid., I, vol. II, p. 47).

В городах живут власти, компетенция которых, однако, распространяется и за пределы города. Так, на законодательном собрании 6 января 1288 г. участвовало 9 «сатников», от каждого города по одному. Когда князь или епископ приезжают в какой-нибудь город, они обращаются к «сатнику» этого города («сатник онога града») за провизией (ст. 5). Пристав тоже живет в городе. Если он берет за свои услуги больше, чем ему полагается, он должен платить штраф и в пользу города, в котором живет (ст. 46). Ст. 14 говорит о «господе» данного города. Одна половина заклада, незаконно сделанного, идет в пользу общины, другая половина — «господи онога града, гди буде то учинено».

О том, что город является административным центром, свидетельствует и тот факт, что списки Винодольского закона были разосланы по всем девяти городам (ст. 77). Вполне естественно, что в городе происходят и свои городские вечевые собрания, о чем и говорится в ст. 57: «Ни одно вече общинное или частное не может состояться ни в городе ни в каком-либо другом месте..., если тут же не присутствует княжеский человек».

Винодольский закон находит нужным сказать, что есть некоторая разница между положением церкви в городе и вне города, в обязанностях духовенства городского и сельского. «...Всаки поп, ки има црикав в граду», обязан каждый день служить обедню (ст. 58). Очевидно, что в сельской церкви ежедневные службы не обязательны.

Итак, у нас не должно остаться ни малейшего сомнения в том, что город, как таковой, Винодольский статут отличает от того, что лежит вне города, за городской чертой. В этом мы еще раз сможем убедиться, когда будем рассматривать политический строй Винодола.

Однако город не отрезан от деревни. Он, имея свою собственную городскую структуру и, живя своей собственной жизнью, в то же время является и центром, объединяющим весь сельский округ, тянущий к своему городу. В этом последнем смысле город и его сельский округ представляют некое органическое единство, которое винодольский закон именует «общиною града». Так, в предисловии к закону рассказывается, по какому поводу и для чего собиралось совещание «од всякога града винодольскога» (тут же дан и перечень этих градов). В конце составленного на этом совещании статута сказано в ст. 76: «вышеписанные законы были... утверждены всеми вышеупомянутыми представителями названных общин винодольских («по речених опчинах винодольских»). И дальше в ст. 77: «В память этого события на

будущее время... община *Винодольская* приказала этот свод постановлений записать в книгу и сохранить по одному списку в «каждом городе».

«Реченные опчины винодольские» (ст. 76) соответствуют тем городам винодольским, от коих были представители на законодательном совещании. Девять городов, возглавлявшие девять общин винодольских, и составляли всю «опчину винодольскую» (ст. 77), иначе все княжество Винодольское.

Мы сейчас знаем, кто жил в этих общинах в XIII в. Жили тут и богатые люди и бедняки, люди привилегированные и люди, ограниченные в своих правах, землевладельцы и орачи, низшее духовенство, купцы, пастухи. Княжеские «официалы» не входили в состав общины, поскольку княжеский двор всегда противопоставлялся общине. То же следует сказать и о высшем духовенстве, которое имело свою собственную мощную организацию. Леонтович прав, когда говорит, что община обнимает «все общественные классы», но он совсем не прав, когда утверждает, что община обнимала всех «без исключительного господства одних и порабощения других», что «племенные люди составляли только главную земскую силу и опору общин». Мы могли видеть, что племенные люди, и особенно служилые княжеские люди составляли привилегированное сословие, владевшее землей и зависимыми от них людьми. Это не значит, что все привилегированные люди разорвали связи с общиной, но они, несомненно, на пути к выходу из нее и во всяком случае составляют в ней командующую силу, не «опору общин», а угрозу их дальнейшему существованию.

Легко можно разглядеть социальный состав выбранных на законодательное совещание 1288 г. от общин. Выбраны были: дворник (дворецкий князя), 9 сатников (сотников), 2 судей, 12 духовных особо и 15 лиц без обозначения их положения и происхождения. В числе 12 духовных особо 5 попов, 1 «првад» — пресвитер, 1 «архипрвад» и 5 «плованов». Простые попы (их было тут 5) по закону в некоторых отношениях приравнены к кметам. Остальные названные духовные лица принадлежат к высшему духовенству. Кто такие 15 оставшихся без всякого определения — сказать трудно. Но можно высказать предположение, что если среди них и были кметы, то в очень ограниченном числе. Большинство состояло из людей племенных.

Д-р Костренчич делает несколько иной расчет этого собрания: 12 духовных особо, 9 сатников, 2 судей и далее насчитывает еще 19 «других людей», вероятно, кметов и про-

мышленников (*obrtnici*)⁷⁴ (может быть ремесленников.— Б. Г.), т. е. почти половину участников совещания отводит простым людям, деревенским и городским. Трудно, однако, предположить, что это законодательное собрание было столь демократично. Во всяком случае аналогии, какие мы имеем, говорят о другом.

Когда составлялся статут Врбанский и всего острова Крка в 1388 г., князем Стефаном и князем Анжем было поручено господину Ловренацу, господину Ивану и господину Павлу и подкнежину Докшу созвать подкнежинов острова Крка и «добрых мужей с Крка». В 1470 г. с аналогичным поручением князь Крческий Иван де Франкапан посылает «веле разумного отца духовного господина Юре, опата светого Миховила с Крка и почтованого и разумного и племенитога мужа подкнежина Мартина Моисеевиша и племенита человека подкнежина Филипа з Балике».⁷⁵

Во всяком случае на содержание закона присутствие кметов, если допустить, что они тут были, никакого влияния не оказало. Иначе как можно объяснить целый ряд постановлений, узаконивших приниженное положение кметов?

Перед нами, несомненно, территориальная община, успешная в своем развитии пройти значительный путь. Она существует в государстве, и постольку, поскольку государство это допускает. Она служит государству, выполняя некоторые функции, отчасти государством терпимые, отчасти государством возложенные. Она сохранила от глубокой старины и многие архаические черты, даже некоторые черты родовой общины, правда только в виде отдельных пережитков.

Все это станет еще более ясным, когда мы ознакомимся с политическим устройством Винодольского княжества.

IV. ОБЩИНА И ЦЕРКОВЬ

Винодол не представлял собою отдельной епархии. В церковном отношении он зависел от епископа либо корбовского, либо модрушского, либо сенского.¹ В Винодольском статуте о епископе упоминается в пяти статьях, но нигде не указывается, где живет этот епископ.² Ясно, что он в Винодоле

⁷⁴ Kostrenčič M. Указ. соч., стр. 118.

⁷⁵ Monumenta historico-juridica, vol. IV, стр. 147 и 100.

¹ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 138. Костренчич полагает, что Винодол был разделен между двумя епископами — модрушским и сенским (Указ. соч., стр. 193).

² Некоторым намеком на место жительства епископа может быть подчеркивание в законе того, что епископу полагается платить «венецианскими» деньгами (ст. ст. 1—4).

не живет, а только время от времени посещает эту часть своей епархии. Он ездит сюда для освящения церквей, для суда над подчиненным ему духовенством и для собиранья причитавшихся ему доходов. Бросается в глаза факт, что Винодольский закон говорит не об обязанностях епископа, которые, конечно, определялись Римом, не о том, что епископ должен был делать, а о том, чего он не должен был делать. Можно сказать даже так, что о функциях епископа мы из Винодольского статута узнаем попутно, когда речь идет о различных ограничениях епископской власти, вернее его произвола. Это положение можно доказать всеми четырьмя статьями, трактующими о епископе.

В ст. 1 говорится об освящении общинных церквей. От освящения церкви епископ не имеет права получать больше 40 сольдинов венецианских (врнезов), один обед и один ужин, сопутствующий епископу диакон — не более 15 баланч (врнезов). Ст. 2 запрещает епископу налагать на церкви, аббатства и монастыри винодольских общин какие-либо налоги, запрещает от них чего-либо требовать, кроме того, что казначеи этих церковных учреждений дадут ему добровольно.

Ст. 3 запрещает чего-либо требовать и брать у попов винодольских общин. Духовенство города должно дать епископу только один обед и один ужин, но отнюдь не обязано выносить еду за пределы города. Епископ не может с духовенства брать никаких денег, кроме чисто церковных штрафов, не превышающих 40 сольдинов венецианских.

Ст. 4 разрешает епископу при его поездках по Винодолу требовать, очевидно от населения, семь верховых лошадей и восьмью вьючную (ст. 4). Д-р Костренчич предполагает, что лошадей должно было давать винодольское духовенство.³

Епископу, наконец, когда он ездит по епархии, разрешается пользоваться мясом быков и баранов, но получать мясо он может только через сотников и с условием оплачивать стоимость этих продуктов (ст. 5).⁴

Винодол признает власть епископа, но в то же время старается обезопасить себя от слишком больших его притязаний.

От этих притязаний закон защищает своих местных общинных духовных лиц и церковные учреждения — попов, церкви, аббатства, монастыри. О попах мы знаем, что они в некоторых своих правах приравнены к крестьянам —

³ Kostrenčić M. Указ. соч., стр. 194.

⁴ Впрочем, ст. 5, которая говорит о князе и епископе вместе, когда дело касается оплаты мяса, почему-то называет только князя. Но трудно допустить, что епископ питался бесплатно, а князь должен был платить.

кметам. «...кмети и попи од татби мею собу имиите едан закон» (ст. 36), но церковное имущество охраняется законом так же, как и княжеское: «Да аки ки украде рич нику никои цркви или молстиру или опати, држаме в осуду ким не држан од ричи кнежих или службеники...» (ст. 36), т. е. за кражу крестьянина у попа или наоборот потерпевший вознаграждается вдвое против стоимости вещи, за кражу церковного имущества — всемеро.

«Ошче всяки поп држан ие стражу стричи в ноци в граду, како ини чловик» (ст. 15). Отсюда видно, что попы очень сильно приближены к массе населения. Очевидно, и в своем быту они мало чем отличались от своих пасомых кметов, подобно тому как это было и на Руси даже в XVI в.⁵

Но самая крепкая связь низшего духовенства с массовым населением Винодола состояла в том, что винодольское духовенство служило службу на славянском, всем понятном языке, по глаголическим церковным книгам, тогда как ставленник папы, по всей вероятности, был итальянец, может быть даже и не знавший славянского языка и общавшийся с винодольским населением только в отдельные моменты своих визитаций, причем в самой неприятной для винодольского населения и духовенства форме, форме всевозможных требований, суда и судебных штрафов. Делается вполне понятной позиция, занятая Винодольским статутом по отношению к епископу, и защита интересов своего населения. Понятно также, почему местное духовенство заняло значительное число мест на законодательном совещании 1288 г. — 12 из всех 39.

Эти «попы», «плованы»,⁶ «првады», «архипрвады»,⁷ несмотря на то, что внутреннего единства в общинах уже не стало, что верхи духовенства стали сливаться с людьми племенитыми и отрываться от народа в узком значении термина, все же могли представлять интересы своих общин, хотя бы и не всегда в полной мере. Во всяком случае это были люди местные, образованные, пользовавшиеся авторитетом среди своей паствы. Интересно отметить, что на совещание 1288 г.

⁵ Судебник Ивана Грозного в ст. 88 о крестьянском отказе нашел полезным вспомнить и попов: «А попу пожилого нет и ходити ему вон бессерочно воля».

⁶ «Плован» от латинского *plebanus*, итальянского *plevanto* — приходской священник.

⁷ «Првад» и «архипрвад» — *presbyter*, *archipresbyter*. «Првады» упоминаются в актах в качестве писцов или письмоводителей общин и епископов. Под 1375 г. называется «Мирша првад, ки сам писан опши» (писец общины. — Б. Г.), под 1420 г. «Пред првадом Дуймом, официалом господина бискупа»; под 1426 г.: «Я првад Иван Рамкович, писац опшини Башке» (Кукулевич, *Acta Croatica*, № 8, 20, 26).

попал только один архиправд, а простых попов 5, «плованов» — тоже 5. Едва ли мы ошибемся, сказав, что чем ниже рангом в церковной иерархии стояло духовное лицо, тем ближе оно было к массам и тем больше вызывало у них доверия. Только один город не послал на совещание ни одного духовного лица. Это город Дривеник. Он вручил свою судьбу в руки сотника и двух светских граждан; к сожалению, нам совсем неизвестно, к какому классу-сословию они принадлежали. Это Драголюб и Прибинег.⁸ Общины, равно как и князь, были заинтересованы в том, чтобы духовенство выполняло свои обязанности, неодинаковые в городе и деревне

В городе каждый поп, имеющий церковь, обязан служить обедню и выполнять другие обязанности ежедневно. За невыполнение своих обязанностей он штрафуется волом, половина которого идет князю, другая — городу (ст. 58). В деревне едва ли возможна ежедневная служба.

Трудно точно вскрыть мотивы, какими руководствовался закон, когда запрещал каждому дьякону («жакон») поступать в какой-либо монашеский орден иначе как с согласия князя и общины города (ст. 16). Можно только догадываться, что если попы часто приравнивались к кметам, то тем более дьяконы. Весьма возможно, что дьяконы были городскими тяглецами.

V. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Здесь надо иметь в виду, что государственный строй, каким он отражен в Винодольском статуте, имеет очень значительную предшествующую историю. В книге проф. Новака «Pro ðlost Dalmacije (od najstarijih vremena do kandijskoga rata)», вышедшей в 1944 г., сделана попытка вскрыть эту историю. Начиная от времен неолита, он доводит свое исследование до конца XVI в. Ославянение Далмации, в состав которой входил и Винодол, падает на VI—VII вв. В самом начале IX в. известны имена хорватских, уже принявших крещение князей: около 800 г. — Вышеслав, с 810—821 гг. князь Борна, за которым следовали Владислав и Мислав.¹

От 852 г.² дошла до нас хорватская грамота князя Терпимира, где хорватский князь именуется *dux Chroatorum tupe re ðivino* (божиею милостью князь Хорватии). В это время

⁸ Monumenta Slav. merid., VII, Index s. v., VII, 174.

¹ Novak G. Pro ðlost Dalmacije, 1944, стр. 95—96.

² По Леонтовичу — 837 г. (Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 2).

Далмация уже покрыта городами, среди них есть и город Брабар, позднее вошедший в состав Винодола. Этот город, как мы уже видели, упоминает и Константин Багрянородный в первой половине X в.

Я считаю полезным напомнить все эти факты для того, чтобы не потерять исторической перспективы, чтобы материал, заключенный в Винодольском статуте, не оказался оторванным от текущей жизни и нашел свое место во времени.

Итак, конец XIII в. для Винодола — это далеко не начальный период истории края и его части, именуемой Винодолом.

Поскольку мы ознакомились с состоянием винодольского общества, с его классовой структурой, нам будет вполне понятным наличие государства. Проф. Новак находит возможным утверждать государственные формы жизни хорват уже в VIII в.³ Речь идет, конечно, о славянском государстве, а не о дославянской судьбе этого края, входившего в состав Римской империи. Мы знаем, что славяне переходили Дунай и занимали Балканский полуостров в догосударственный период своей истории, именно в период военной демократии, являющейся преддверием государства. Заняв новый край, вступив в непосредственное общение с местным неславянским населением, уже давно жившим в государстве Римском, славяне, и в частности хорваты, должны были немедленно облечься в форму государства, чтобы организованно отстаивать свои позиции, защищать и себя и тех, кто так или иначе слил свою судьбу с новым славянским строем. Время было бурное, и уцелеть мог лишь тот, кто умел найти в себе силы для самозащиты. Славяне оказались достаточно сильными, чтобы защитить и укрепить принесенные сюда с собой общественные отношения. Они нашли здесь сочувствие масс простого неславянского народа, до этих пор жившего под тяжелым игом рабовладельческого Римского государства. Эти массы сумели оценить преимущества общественных отношений, которые славяне унаследовали от времен доклассового строя. Славянская община давала и местному неславянскому населению гарантии дальнейшего экономического и социального роста, чего не имел простой народ в условиях рабовладельческого режима.

Вполне понятно, почему в Винодольском статуте мы встречаем вполне сложившиеся формы государственной жизни уживавшиеся с общинными отношениями, ставшими, однако, в подчинение государству.

³ Novak G. Указ. соч., стр. 95.

1. Князь

Винодол называется княжеством («кнежество»), во главе которого стоит князь.⁴ Князь живет в главном городе — Новом граде. Это, несомненно, столица. Тут княжеский двор, здесь «княжеский зал», в котором совершаются важнейшие государственные акты. Тут заседала и законодательная комиссия 1288 г., создавшая статут⁵ «пред образом тога истога кнеза Леонарда, згора именована».⁶

Предисловие к Статуту называет несколько княжеских имен: Федрига, Ивана, Левнарда, Дуйма, Бартола и Вида, но упоминание это сделано в целях обозначения времени и обстоятельств, при которых происходило собрание комиссии: 1288 г., в 6-й день января, «во время короля Ладислава, преславного короля угорского... во время же великих мужей, господ... (идет перечень.— Б. Г.) князей крчских, винодольских и модрушских».⁷

Мы имеем здесь аналогию не с тем упоминанием «светлых и великих князей и его великих бояр», от имени которых великий князь Олег заключал договор с греками в 912 г. или великий князь Игорь в 944 г., а с родственниками великих князей более поздней поры, родственниками, уже не имеющими власти, но не перестававшими претендовать на нее.

Но как в русском государстве эти «светлые князья», так и позднейшие родственники великих князей были подчинены великому князю, так и пять из шести перечисленных в Винодольском статуте князей, несомненно, не играли никакой сколько-нибудь заметной самостоятельной роли, потому что в Винодольском законе всегда и неизменно называется только один князь, глава Винодольского княжества.

О поездке по Винодольскому княжеству говорится только об одном князе, а не о князьях во множественном числе. Князь едет по Винодольскому княжеству со своей семьей и двором. Это его деловая поездка (ст. 3).

Относительно положения князя в Винодоле существуют разногласия. Леонтович, увлеченный идеей общинности у славян, видит в винодольском князе «не столько государя, сколько старшину, в лице своем объединявшего отдельные общины». «Влияние князя на главнейшие общинные дела

⁴ «Отче яко господин кнез у Винодолу... бы пошал по кнежству по винодольском...» (ст. 5; см. также ст.ст. 3, 12, 16 и др.).

⁵ «Би начинено в Новом Граду, на сали кнези згора именованих лета мисеца дне индиционе речене» (ст. 77).

⁶ Предисловие к Статуту.

⁷ Там же.

весьма слабо, преобладание до значительной степени остается за общиной, народом». Леонтович считает, что «винодольские князья на деле сходны с князьями новгородскими...» Но тут же автор вынужден, в сущности, отрицать то, о чем он только что говорил. Он вынужден признать, что княжеская власть в Винодоле наследственна, и что она «пользовалась, по крайней мере de jure, самостоятельным положением. Франгепаны (династия винодольских князей.— Б. Г.) получили в 1260 г. наследственную власть на Винодол с правом «tenendi et possidendi», как прежде владели Винодолом короли венгерские.⁸ Читатель остается в недоумении, чему же верить: тому ли, что винодольские князья — общинные старшины, зависящие от общины, или тому, что они пользовались властью, подобно венгерским королям? Так ярко сказалось здесь пристрастное отношение Леонтовича к славянской общине.

Иначе, но тоже не совсем убедительно, представляет положение князя в Винодоле Ягич. Он признает, что в Винодольском законе «всегда речь идет только об одном князе» и в то же время, правда не очень уверенно, допускает очередность в замещении княжеского престола между крчскими, винодольскими и модрушскими князьями-родственниками («княжеская задруга»)⁹.

Ягич считает винодольского князя «представителем рода и его власти». Это очень похоже на представление С. М. Соловьева о княжеской власти Рюриковичей.¹⁰

Д-р Костренчич совершенно четко говорит о том, что у винодольских князей в руках находилась судебная и административная власть,¹¹ что князья подчиняли своей власти общину.¹²

Обратимся к нашему источнику.

Какая же речь может идти о «преобладании» над князем власти общины, если в ст. 57 ясно сказано, что ни одно вече, общинное или частное, и ни по каким общинным делам не может состояться ни в городе, ни в каком-либо другом месте, если на нем не будет присутствовать человек от князя (в противном случае те, кто рискнет таким образом решать дела, лишаются всего своего имущества, которое переходит

⁸ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство. стр. 20—21.

⁹ Ягич В. В. Указ. соч.

¹⁰ «Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого своего рода» (Соловьев С. М. Ист. России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», I, стр. 2).

¹¹ Kostrenčić М. Указ. соч., стр. 191, 213.

¹² Там же., стр. 195.

тогда князю); если по ст. 40 никакой, ни оправдательный, ни обвинительный приговор, не может быть вынесен без воли князя или им уполномоченного для этого дела человека; если по ст. 54 только с разрешения князя крестьянин мог выступать на суде в защиту человека племенитого и племенитый в защиту крестьянина; если только князь может разрешить вновь выступать свидетелем человеку, однажды запятнавшему себя ложными показаниями (ст. 52); если только князь может восстановить в должности пристава, уличенного в недобросовестности (ст. 51); если не общине, а князю идет выморочное имущество (ст. 33).

Этот перечень условий, опровергающий положение Леонтовича, может и должен был расширен. К нему мы вернемся в отделе о суде, о преступлении и наказании. Но и сейчас уже совершенно ясно, что именно княжеская власть в Винодоле является государственной властью, отодвинувшей на второй план права общины.

Винодольский закон усерднее всего занимается вопросами, связанными с прерогативами княжеской власти. Больше 55 статей (из всех 77) говорят либо о князе, либо о его дворе.

При таком обилии материала мы имеем возможность изобразить место князя в политической и общественной жизни Винодола полнее, чем какой-либо иной предмет, затрагиваемый тем же памятником.

Мы уже видели, что княжеский двор находится в столице, в Новом граде, что княжеский двор — это не только дворец, место жительства князя, а и высокое государственное учреждение. Отчасти мы знакомы с составом княжеского двора (см. стр. 38—39).

Во главе двора, как учреждения, стоит княжеский «дворник» (*palatinus*, мажордом). Подобно тому как всем Винодолом управляет один князь, так точно в Винодоле имеется и один мажордом, начальник княжеского двора.¹³ В предисловии к Винодольскому статуту, где говорится о делегатах

¹³ Ягич высказывает, хотя и нерешительно, другое мнение. Он ясно видит, что в Винодоле был «один только дворник», «но мне кажется,— продолжает он,— что такой вывод был бы не точен. Судя по нарочному указанию относительно острова Крка (*Mon. hist.* I, 220), можно, напротив, утверждать, что и в Винодоле у каждого города был свой дворник» (Ягич В. В., Закон Винодольский стр. 134). Если согласиться с Ягичем, то придется допустить, что в каждом городе винодольском был и княж двор, на что мы не имеем никаких указаний в источнике. Почему же тогда только один дворник представлял весь Винодол? Почему ни от одного из остальных 8 городов не был выбран на собрание ни один дворник?

на законодательное совещание, так и сказано: «з Новога Града: Чрна, дворник *всего* Винодола и от князя згора речених». Поскольку «дворник *всего* Винодола» являлся в то же время и представителем всех титулованных родственников князя Леонарда, мы можем допустить, что и эти титулованные родственники тоже входили в состав княжеского двора. Княж двор в Винодольском законе является синонимом термина «князь». «Службу» население должно нести «двору» (ст. 32), «двору» идет выморочное имущество (ст. 33), штрафы за преступления получает «двор» (ст. ст. 27, 28), перед «двором» идет суд (ст. ст. 38, 47, 51, 53),¹⁴ во «двор» обращаются с жалобами: «...ако се ки прикаже *пред двором* притче) (*causa*, событие, вызывающее судебное дело), показане, има помакнути сведоки и указати, да тако ест» (ст. 22): «...ако би ки отел показати никога зла творене *пред двором* вола од никога и инога занда или нике ине ричи, има тако речи *двору* (ст. 60);¹⁵ перед двором приводятся к присяге поротники (ст. 73).

Термины «двор» и «князь» нередко заменяют друг друга. Если какой-нибудь мужчина оскорбит женщину, он платит 50 либр, из коих 40 сольдинов, т. е. 2 либры, идут «князю». Если женщина оскорбит женщину, платит «двору» 2 либры. Ясно, что в обоих случаях штраф идет в одно место, т. е. в княжескую казну.¹⁶

Что князь является и судьей, об этом говорится в Законе часто. Все «завези», по Ягичу пени (заклады), которые князь определил бы отныне, или которые он до сих пор назначил публичным или частным способом, пусть будут его и должны итти ему.¹⁷ Не совсем ясно, что означает слово «завез». Но ясно, что речь идет все-таки о каких-то штрафах, принадле-

¹⁴ «Ошче кади не би била тужба, ни ннедеп осуд, ни се нима отиснути ниелан учинити нуку тужбу од нике ричи *пред двором* или инди, не вече ако е щ неча добру волу» (Где не было иска, не может быть и пени, и никто не может быть приневолен подавать жалобу по какому-либо предмету перед двором или где-либо в другом месте, если не по его доброй воле» (ст. 38); «...ако би ки *пред двором* показал, вола поставил сведоке...» (ст. 47); «...ако нега (пристава.— Б. Г.) тдо еме *пред двором* или инди за фальсо...» (ст. 51); «...ако с ники сведок помакнен за нуку рич *пред двором*...» (ст. 53).

¹⁵ Если бы кто хотел показать, на кого-нибудь перед двором по какому-либо злодеянию или какому-либо другому преступлению или предмету, он должен обратиться к двору следующим образом...

¹⁶ О штрафах, идущих князю, говорят ст.ст. 7, 8, 11, 12, 19, 25, 27, 29, 30, 33, 35, 48, 51, 52, 54, 55, 58, 59.

¹⁷ «...Вси завези, ке би кнез од селе положил или прие учинил опчинским и навлашчим законом, да будите нега к нему имаю прити» (ст. 55). Эту статью затруднился точно перевести даже Ягич (главное затруднение в слове «завези»).

жащих князю. Совершенно ясен обобщающий смысл ст. 75: «...Од всех банди, заговори и речени (пени, заклады, выручки.— Б. Г.) господин кнез има правду и пуну область (полное право распоряжения.— Б. Г.) тако зврху племенитих, тако зврху луди цриквених и зврху кмети и зврху всех иних луди, како се згора удржи». Князь имеет полное право распоряжаться различными видами штрафов и поступлений от всех людей Винодола.

В руках князя суд. Это ясно из ст. 61, где говорится о личном, выявленном перед князем. Ст. ст. 59 и 70 подчеркивают право князя наложить любое наказание на приготовителей ядов, на изменника. «Машение», русское мщение, месть,— обычай давно уже превратившийся в наказание по суду,— совершает князь. В случае поимки убийцы «има... кнез или ники мисто нега учинити ко годи машени» (ст. 29). То же и в случае с изменником (ст. 70). Князь имеет право и на имущество изменника (ст. 70) и несостоятельного плательщика штрафа (ст. 74). Воля или разрешение князя равняется воле или разрешению двора.¹⁸

Одним словом, чрезвычайно трудно или, вернее, невозможно провести разделительную линию между князем и его двором. Князь стоит во главе государства и, конечно, своего двора. Князь называется «господином кнезом натуральским», как переводит этот термин Ягич, «господином князем, натуральным владельцем». ¹⁹ Тут, как мне кажется, вложена мысль о том, что князь — это носитель верховной власти по самой своей природе. На Руси в таких случаях говорилось «прирожденный». Ему служат племенные люди, в его казну поступают подати и штрафы, он распоряжается этой казной, он владеет своим доменом и имеет феодальное право на всю землю Винодольскую.

Прямых указаний на княжеский домен в Винодольском законе нет, но имеются указания косвенные, подтверждаемые другими документами.

Поскольку должностные лица имеют свое имущество, поскольку имуществом владеют люди племенные и церковные учреждения, мы, естественно, должны думать, что и князь является владельцем имущества движимого и недвижимого.

Косвенно на наличие княжеского домена намекает ст. 33 «...Ако би ки држал ошастно (выморочное имущество.— Б. Г.), то е ричнику, ка би ничиа била и има к двору прити през заповиди дворске вола прошчене (разрешение.— Б. Г.)

¹⁸ Ст. ст. 10, 52, 54.

¹⁹ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 95.

тер би се могло найти од господина вола од нега официала, држан је платит кнезу за приходак од еднога седам за всако лето, ко би држал то исто благо ошастно тер едан осуд солдини четрдесет на всако лето; а оно ошастно има се обратити под двор кнеж».

Выморочное имущество («ошастно») поступает по закону во двор княж. Князь этим имуществом пользуется так же, как и всякий другой, умеющий извлекать из него для себя пользу. Поэтому за незаконное владение ошастным и полагается платить именно князю «за приходак», т. е. за тот доход, который потерял князь. Платить должен незаконный владелец ошастного за каждый год владения по 40 сольдинов. Ошастно от него отбирается в пользу князя.

К князю поступают и все конфискованные имущества. Все имущество, движимое и недвижимое («гибле и не гибле») недобросовестного пристава идет князю (ст. 51), все имущество устроителей вечевых совещаний без присутствия на них княжеского человека (ст. 57) и изменника (ст. 70) тоже идет в пользу князя.

Ягич приводит несколько документов, где прямо говорится о том, что княжеские кметы обязаны были оброком и барщиной в пользу княжеского двора. В 1450 г. винодольский кмет должен был выполнять «возню и поклон» в пользу княжеского двора и обрабатывать землю (Acta Croatica, № 52).²⁰

Очевидно, на основании данных, имевшихся в его распоряжении, Ягич совершенно уверенно пишет, что у винодольского князя были собственные земли, «обрабатываемые, должно быть, им самим», конечно, не лично, а его кметами.²¹

Об обязанности удовлетворять нужды княжеского домена, повидимому, говорит ст. 32. Она рассматривает вопрос о наследстве по закону. Дочери имеют право на наследство только тогда, когда у них нет братьев. Дочери, получившие наследство, должны нести обязанности, связанные с наследуемым имуществом «чинечи всю службу ону, ку есу имили *служити двору* отци и матери их». Кто эти отец и мать, обязанности коих по отношению к двору переходят на наследников?

В законе ясно сказано: «Чинить... службу... двору». Если бы тут имелись в виду только мужчины, можно было бы допустить, что тут речь идет о службе в княжеском дворе, о служилых людях, «официалах». Но так как здесь говорится и о женщинах рядом с мужчинами, то такое предположение

²⁰ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 128, примечание.

²¹ Там же, стр. 129.

исключается. Единственно возможное понимание «чинения службы» в данном контексте — это признание, что тут разумеются повинности подвластного княжескому домену населения.

Еще одно доказательство наличия у князя домениальных владений и феодального способа эксплуатации зависимого населения.

Кроме доходов со своих домениальных земель, князь имел какое-то не совсем ясно обозначенное в Статуте участие в доходах от земель своих некоторых подданных. «...Ако би ки држал ко благо, нику землю, вола виноград или пошишон или врт, од тих пошишон би имел господи кнез учесте и ако би га не дал, држан је в том осуду згора реченом вола од учестного...» (ст. 34). Если бы кто-нибудь владел каким-либо имуществом: землей, или виноградником, или садом, или вообще имением («пошишон»), от чего князь имеет право получать некоторый доход, и если бы владелец этого имущества не выполнил своих обязанностей по отношению к князю, т. е. не выплатил ему причитающейся части дохода, то подлежит штрафу, или же сам князь вознаградит себя из имущества, о котором идет речь («од учестного»). Здесь не имеется в виду нормальная государственная подать, так как иначе не было бы сказано «если бы кто-нибудь держал некое имущество», так как подать ложилась, как правило, на всех за отдельными только изъятиями.

Несмотря на многочисленные упоминания в Законе о князе и его дворе, из коих выясняется многое в положении винодольского князя, все же остаются стороны этого сюжета, совсем не освещенные Статутом. Так, например, в Статуте нет ни одного намека на военные обязанности князя, ни слова не говорится о войске вообще. Удивляться тут не приходится, так как в подобного рода сборниках законов о войске и военных обязанностях князей, как правило, не говорится вообще. В Русской Правде, например, только один раз вскользь упомянута война в ст. 54 о купце, потерявшем «чужие куны» по независящим от него обстоятельствам («истопится любо *рать* возмет») и вскользь названо оружие (ст. ст. 13 и 18 Кр. Русск. Пр., ст. 34 Пр. Русск. Пр.):

Некоторый намек на наличие военных слуг у князя мы имеем в ст. ст. 5 и 29, где говорится об «обители кучной господина». Об этом речь идет в следующем параграфе.

Не останавливается Винодольский закон сколько-нибудь подробно и на деталях деятельности князя по управлению страной. Из ст. ст. 16 и 17 мы только узнаем, что князь заинтересован (точно так же, как и община) в том, чтобы

ни один крестьянин и вообще ни один общинник не покидал своих общин и не уходил бы из общины. Очевидно, князь имел здесь в виду интересы фиска. Община, как мы уже видели, оберегала таким путем себя от уменьшения количества тягловцев.²² На основании текста ст. 17 мы можем думать, что община, отпуская своего члена, должна была запросить согласие князя («с волю кнеза и опчине»). Такая же процедура требовалась и тогда, когда дьякон собирался постричься в монашеский орден. Объясняется это тем, что попы и дьяконы законом Винодольским в правах приравнены к кметам, наравне с которыми, очевидно, они несли повинности государству.²³

Фискальные повинности общин подтверждаются и тем, что от этих обязанностей не освобождались, как правило, и церковные имения. В 1381 г., например, князь Стефан освободил монастырь Спасский от подати с виноградников, в 1445 г. князь Дуям освободил другой монастырь от подати мельничной.²⁴

Я старался извлечь все, что дает Винодольский закон о княжеской власти в Винодоле. Сейчас на очереди вопрос об аппарате княжеской власти в Винодоле.

2. Аппарат княжеской власти

В распоряжении князя, конечно, находился аппарат, о котором Винодольский закон дает некоторое понятие.

В перечне должностных лиц Статут на первом месте всегда называет *подкнежина* (*vicecomes*).²⁵

Но из этого еще не вытекает, как думает Ягич, что подкнежин — первое лицо после князя. Стоит обратить внимание хотя бы на то, что подкнежины в Законе называются во множественном числе [...Ако би ки убил од

²² «...Ниедан от кмет и от луди опчинских не море пойти пребивати в ниедину црикав ни в ниедину опатию (аббатство.— Б. Г.) или в молстир служити или се онде положити за обарительника, ако ни с волю кнеза и опчине» (ст. 17).

²³ «...Ниедан жакон (дьякон.— Б. Г.) не море приети светих реди (святой орден.— Б. Г.) кнежства, ако ни од воле кнеза и од опчине града, где е» (ст. 16).

²⁴ Примеры взяты у Ягича (Закон Винодольский, стр. 129).

²⁵ Если бы кто убил кого-нибудь из числа подкнежинов или слуг дворцовых или прменов (ст. 29); если бы кто из засады покусился на жизнь подкнежинов, служабников «или прманов (ст. 30); если кто украл вещь, принадлежащую князю, или его двору, или же подкнежину, или кому-нибудь из вышеупомянутых служабников» (ст. 35); никто не может требовать дома от подкнежина или какого-либо дворцового официала (ст. 63).

подкнежинов», «...ако би учини заседание од речених подкнежинов» (ст. ст. 29, 30)]. Стало быть, их было несколько. Между тем «дворник (palatinus) один на весь Винодол (дворник *всегда* винодола и од кнези згора речених...» (предисловие).

Леонтович думает, что именно к подкнежинам относится предписание Винодольского закона о непременном присутствии княжеского человека на всяком собрании (ст. 57).²⁶ Такого же, в сущности, мнения держится и Ягич.²⁷

Нисколько не сомневаюсь в том, что подкнежин — княжеский человек. Тем не менее у меня возникает вопрос, почему же Закон в ст. 57 не назвал подкнежина, как такового, а говорит о «кнезове чловике» вообще, куда в это общее понятие мог входить, конечно, и подкнежин. Закон гораздо чаще пользуется принятой номенклатурой должностей, и в таком важном предмете, как вече, едва ли закон мог бы выразиться так неопределенно. Я беру на себя смелость высказать иное предположение: для того, чтобы узаконить любую сходку, любое вече, необходимо было присутствие любого княжеского чиновника, а не непременно столь важного должностного лица, каким был подкнежин.

О. Бодянский сообщает, что в его распоряжении имелся список с акта 1459 г., где было написано: «Почтовани муж *подкнежин* Шимун Саганит, *наместник* кнеза Мартина (Франкапана)». ²⁸

Едва ли можно сомневаться в том, что и в XIII в. подкнежины были княжескими наместниками в городах.

И Ягич тоже приводит несколько цитат из глаголических грамот, где упоминаются подкнежины. И здесь подкнежины рисуются очень значительными должностными лицами. В грамоте 1381 г. мордушский князь Стефан пишет: «Ми заповидамо тврдо нашим подкнежином». Характерно, что и здесь множественное число. Из грамоты 1419 г. видно, что иногда должность эта переходила от отца к сыну («Пред подкнежином Петром, сином подкнежина Влчини бившего»). Из этих же грамот вытекает, что подкнежин участвовал на суде в числе судей, иногда был председателем

²⁶ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 21.

²⁷ «...Едва ли можно сомневаться в том, что в статуте винодольском сколько раз ни говорится о необходимости присутствия княжеского человека, везде прежде всего имеется в виду подкнежин (Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 133).

²⁸ Бодянский О. Винодольский закон. Чтения О. И. и Д. Р., 1946, № 4, Матер. иностранные, стр. 40.

суда.²⁹ Впрочем, едва ли это могло быть его основной обязанностью, так как у нас имеются основания думать, что в это время суд от администрации еще не отделялся.

Винодольский статут в числе княжеских чиновников называет прмана, но не дает ясного определения его обязанностей.

В ст. 5 говорится о том, что князь должен оплачивать взятые во время поездки по Винодолу продукты питания через своих прманов («от своих прман»). Ст. ст. 29 и 30 упоминают прманов в числе княжеских должностных лиц, имея в виду случаи их убийства или покушения на их жизнь из засады. Ст. 29 выражается о прмане так: «...Ако би ки убил од подкнежинов или слуг од обители кучне господина кнеза од прманов...» «Обитель кучна» означает не только членов семьи, но всю familia, всех домашних, иначе всю сумму слуг, в данном случае княжеских. Следовательно, прманы входили в состав этой «обители кучной господина князя» и стояли не на первых местах здесь, а на последних. Леонтович имел все основания сравнивать прманов с русскими отроками и детскими.³⁰ Больше ничего Винодольский статут о прманах не сообщает.

Винодольский закон ничего прямо не говорит о винодольском войске. А между тем Константин Багрянородный сообщает, что Хорватия в X в.ставляла 60 тыс. конницы и 100 тыс. пехоты, и что она владела значительным флотом, и Винодол выделял, несомненно, некоторую часть военных сил. Весьма возможно, что цифры Константином преувеличены и округлены,³¹ но факт наличия военных сил у хорватов сомнению не подлежит. В Винодольском статуте есть термин, в котором Леонтович видит «княжескую дружину». ³² Это «обитель кучна господина кнеза». Больше чем вероятно, что в состав княжеского двора входили военные слуги, составлявшие личную охрану князя и свиту, исполнявшие различные поручения князя. Мы можем предположить, что это обученные военные кадры, что они становились во главе войска, собираемого по мере надобности, как это было в то время и в других феодальных странах. В новелле Романа II (935 г.) совершенно ясно говорится об обязанности общин выполнять военную службу: «Крестьянские общины... выполняют многочисленные полезные функции как

²⁹ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 133.

³⁰ Леонтович Ф. Указ, соч., стр. 21.

³¹ Успенский Ф. И. История Визант. империи, I, стр. 669.

³² Леонтович Ф. Указ, соч. стр. 17; Винодольский закон, ст. ст. 5, 29.

платежом государственных налогов, так и отбыванием воинской повинности». ³³

Итак, Винодольский закон указывает на наличие княжеских служилых людей, им самим назначаемых для исполнения его поручений, и очень мало разъясняет, в чем именно заключались их функции.

Ясно одно, что князь не находится в подчинении у винодольских общин, а является верховной властью в государстве, которой подчинены винодольские общины.

Для того, чтобы это стало еще яснее, необходимо ближе присмотреться к отношению общин к княжеской власти

3. Князь и община

Винодольский закон в двух статьях упоминает трех должностных лиц, в своем ранге стоящих ниже княжеских официалов. Это «сатник, гращик и бусович». О них в ст. 25 сказано, что за драку, причинение ран и побоев между кметами полагается пеня не свыше 40 сольдинов в пользу князя и 2 барана и лекарство в пользу потерпевшего. Тут прибавлено: «А то такое од сатника и гратчика и бусовича, ки в сих есут под закон и под правду кметску, а не служабники, и по закону кметскому судет се и ним е за уражене заловоле учинено». ³⁴

В следующей ст. 26 (не забудем, что на статьи Винодольский закон поделен Мажураничем, а в своей натуре закон никакого деления на статьи не имеет) опять идет речь об этих трех должностных лицах. «Йоще сатнику и гращику и бусовичу нима се веровати в ниединой ричи, ка би учинена в них време, ка би пристоела к ним официу, невече одним летом, ко приде по исшастю официа». ³⁵

В этих статьях сотник, гращик и бусович противопоставлены княжеским служебникам. В тех же случаях за княжеского служебника взыскивается штраф в 25 либр, т. е.

³³ K. Zachariae v. Lingenthal. Jus Graeco-Romanum. Leipzig, 1856—1886, III, стр. 247. Взята цитата у Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация, Византийский сборник, 1945, стр. 142.

³⁴ «Такому же наказанию в этом случае подлежат сотник, гращик и бусович, которые в этих преступлениях имеют один закон и одно право с кметами (крестьянами), а не с княжескими чиновниками; их судят по кметскому закону и им достается удовлетворение только за повреждение» (перевод Ягича).

³⁵ «Сотник, гращик и бусович считаются достоверными по делам, случившимся во время их службы, которые относятся к их должности, не долее как в продолжение одного года, следующего по оставлении ими должности» (перевод Ягича).

в 10^{1/2} раз больше, чем за кмета, сотника, гращика и бусовича (ст. 30).

Что же это за должностные лица, поставленные так низко по сравнению с княжескими чиновниками? Это должностные лица, избранные общиной и выполняющие в общине функции, не совсем ясно выявленные или совсем никак не выявленные в Статуте.

Начнем с «сатника».

«Сатник» — это, несомненно, сотник. ³⁶ В каждом винодольском городе был свой сотник. Все 9 сотников участвовали в законодательной комиссии 1288 г. Сотник официально представлял свою общину. В 1309 г. две смежные общины в Винодоле имели тяжбу по земле. Интересы Леденической общины должен был представлять «сатник леденички Ногаль». Он на суд не явился, и леденицкая община проиграла дело. В 1413 г. община Башка на острове Крке подарила землю монастырю. Представителем общины опять был «сатник Ивана... с волю опчини Башке». ³⁷ По ст. 5 Винодольского статута сотник является защитником материальных интересов общины: когда князь или епископ приезжают в какую-либо общину, они могут получать продовольствие только через сотника. Поличное обнаруживается в присутствии либо самого князя, либо его чиновников, либо сотника, либо даже его жены, в случае отсутствия самого сотника (ст. 61). Больше о сотнике Статут не говорит ничего. Ягич сообщает, кроме двух приведенных выше фактов, взятых из грамот, еще один случай, когда житель города Крка поймал крестьянина на месте преступления и повел его к сотнику. Последний препроводил его под стражей в суд в город Крк. ³⁸

О. Бодянский считает сатника сотником *centurio*, и сообщает, между прочим, что «ныне в Брибуре и Новом (городе Винодола.— Б. Г.) сатник смотрит за чистотой улиц и дорог, колодцев, свежестью и добротой съестных припасов, равно как верностью в продаже их и т. п.» ³⁹ Конечно, сатник в течение пяти веков мог проделать значительную эволюцию, но нам хорошо известно, что высокие должности либо исчезали, либо упразднялись, но не доходили до низведения на такой низкий уровень. Трудно представить новгородского посадника, дошедшего до роли блюстителя чистоты улиц.

³⁶ В латинских грамотах древнейших времен это слово передается *setnic, sitnic, setenic, setinic*. В хорватской летописи: «И учинише сатнике, ки сатници бише над стотину людей...» et *sednicos, id est centurianes* (Ягич В. В. Указ. соч., стр. 136).

³⁷ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 136.

³⁸ Там же, стр. 137.

³⁹ Бодянский О. Винодольский закон, Чтения М. О. И. и Д. Р., 1846, № 4, Материалы иностр., стр. 41.

Ягич сообщает одну важную деталь. Жители жаловались Венецианской республике на то, что кркские князья назначают сотников, между тем как сотники должны избираться городами. Венецианские власти распорядились, чтобы сотник избирался городом, но утверждался бы князем.⁴⁰ То же, по всей вероятности, было и в Винодоле.

Из всего сказанного вытекает:

1. Сотник — представитель общины.
2. Сотник избирается общиной и утверждается князем.
3. Сотник выполняет второстепенные государственные функции.

После наших наблюдений особенно странно звучит определение роли «сатника», сделанное Леонтовичем. Он уверяет, что сатник равняется русскому посаднику. Он находит «замечательное сходство в самых названиях (сатник — посадник)». Он думает, что винодолские сатники и русские посадники сходны между собой и в том отношении, что в ряду общинных должностей они играли в равной мере первенствующие роли»⁴¹

Не трудно показать, что филологически сатник ничего общего не имеет с посадником. Не трудно убедиться и в том, что между положением новгородского, скажем посадника и винодолским сатником разница тоже огромных размеров. Леонтович заранее создал себе преувеличенное и неверное представление о винодолской общине, не мог отрешиться от своего гипноза и при рассмотрении отдельных деталей памятника.

О двух других общинных должностных лицах, *грацике* и *бусовиче*, мы можем сказать еще меньше. Ст. ст. 25 и 26, упоминающие гращика и бусовича,⁴² выше приведены полностью. На основании их мы можем сделать заключение о том, что это тоже выборные общиной должностные лица, что служба их срочная.

Мажуранич сообщает, что он знал этих должностных лиц в первой половине XIX в., что в это время гращик барабанным боем созывал население и сообщал о распоряжениях правительства, публичных торгах и пр.

Ягич указывал на то, что слово *gradiscic* уже встречается в грамотах XI в. и живет в Хорватии долго.⁴³

⁴⁰ Бадянский О. Винодолский закон. Чтения М. О. И. и Д. Р., 1846. № 4, Материалы иностр., стр. 135—136.

⁴¹ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 20.

⁴² Ягич В. В. Указ. соч., стр. 137.

⁴³ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 137.

Ни Мажуранич, ни Ягич решительно ничего больше о гращиках сказать не могут. Леонтович тоже заявляет, что «значение гращиков и бусовитов неизвестно».⁴⁴

Ягич о бусовиче лишь прибавляет, что бусович «какой-то низкий чиновник или служитель общины», но сущность его положения и для Ягича «остаётся пока темной». Впрочем Ягич приводит один важный текст из Крачского статута: «Когда буде граду ка потреба виче (вече.— Б. Г.) имати мею собого, да буде зван вас плк (весь народ.— Б. Г.) по бусовичи». Здесь бусович похож на русских бирючей. Филологически Ягич склонен выводить термин «бусович» из итальянского глагола *bussare* — стучать, толкать.⁴⁵

Таковы выборные от общин должностные лица.

Конечно их наличие говорит о том, что в винодолских общинах имеются свои выборные должностные лица. Что же касается их положения по сравнению с княжескими чиновниками, то всякому беспристрастному исследователю бросается в глаза их весьма скромное место. Самый видный из них — сотник — утверждается князем, значит находится под его контролем, выполняет второстепенные государственные функции, главным образом полицейского характера. Его здоровье и жизнь охраняются наравне с крестьянством, т. е. основной массой общинников, и очень низко стоит в этом отношении по сравнению с княжескими должностными лицами.

Этого не могло бы быть, если бы община играла в жизни Винодола какую-либо значительную роль. Это совсем не похоже на то, что говорит по этому предмету Леонтович. По его мнению, сатники, грашки и бусовиты — «орган народоправства винодолских общин».⁴⁶

Все, что мы до сих пор видели ни о каком народоправстве говорить не позволяет.

Увлеченный своей идеей, Леонтович преувеличивает и значение общин в деле суда. Очень уверенно Леонтович заявляет: «Винодолским законам вполне известны основные начала древнего славянского суда — начала, в силу которых общины по внутренним своим делам пользовались правом самосуда, предоставляя князьям судебную деятельность во внешних отношениях общин, в особенности при всех столкновениях и спорах между членами различных общин». «Преступления, учиненные в граде, подлежали суду общинных органов». Автор здесь ссылается на ст. ст. 14, 31 и 37.

⁴⁴ Леонтович Ф. Указ. соч., стр. 20.

⁴⁵ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 137.

⁴⁶ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 19.

Заглянем в эти статьи.

Ст. 14 несколько трудна для перевода и понимания, но все же из нее решительно ничего нельзя вывести в доказательство тезиса Леонтовича. «Още ниедни завези (вероятнее всего — неустойка.— Б. Г.) от ке годи ричи не могу се првич мею кими годи луди княжества завезати или заговор положи ти опчински вола навлашни: онога завеза пол гре опчин и, а пол господи онога града, гди буде то учинено». Тут говорится о запрещении составлять обязательства по какому-либо предмету между людьми княжества, о запрещении делать заклады. Нарушение этого запрещения влечет потерю заклада, половина которого идет общине, а половина — «господе» города, в котором произошло нарушение этого правила. Ни слова о суде и судьях.

Ст. 31 говорит об убийстве кмета. Убийца платит по 50 либр семье и родственникам убитого и 2 либры общине. О суде общины и здесь ничего не сказано.

Наконец, ст. 37 касается вопроса о татьбе в городе, дневной и ночной. Положен штраф 40 сольдинов т. е. 2 либры в пользу города, где совершилась кража. И тут о суде ничего не говорится.

Леонтович полагал, что если штраф идет в пользу общины, то значит, и суд был по данному делу общинным. Однако стоит сопоставить ст. 37 со ст. 7 и 8, и мы увидим нечто другое. В ст. 7 рассматривается тоже случай кражи в городе. Если кража совершена ночью и был при этом «клич», положен штраф в 50 либр князю, если днем, то не более 40 сольдинов. Ст. 8 говорит о краже в деревне ночью — штраф 50 либр князю, если днем — 40 сольдинов.

Ст. 37 обобщающего характера говорит о всякой татьбе в городе днем и ночью, но подчеркивает другую сторону дела, на которую и обратил свое внимание Ягич. Он высказал предположение, что «вероятно, одна и та же кража имела последствием то, что виновный, кроме вознаграждения убытка, должен был платить часть пени (40 сольдинов) князю, часть же (тоже 40 сольдинов) общине». ⁴⁷ Предположение Ягича весьма правдоподобно, так как Винодольский закон иногда прямо говорит о разделении в известной пропорции штрафов между князем и общиной (ст. ст. 58, 48, 31).

Признак, по которому Леонтович имел суждение о наличии общинного суда, оказывается под большим сомнением.

Этим я не собираюсь категорически утверждать, что община вообще не могла судить, но полагаю, что высшей судебной инстанцией был все-таки князь, а не община. У общины,

⁴⁷ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 55, прим. 109.

несомненно, были свои и несудебные дела, которые обсуждались на общих собраниях, но при обязательном присутствии княжеского чиновника.

О делах общины упоминает ст. 57, та самая статья, которая запрещает все собрания, если они происходят без «кнезова человека». В этой статье и сказано, что запрещаются собрания, где бы они ни происходили и по каким бы то ни было общинным делам («од ниедних дел, ке би пристоеле к опчини»).

Какие же это могли быть дела? Их было, конечно, немало: выборы должностных общинных лиц, часть коих подлежала утверждению князя, ⁴⁸ обсуждение вопросов об отпуске из общины отдельных ее членов, заявивших свое желание, ⁴⁹ обсуждение поведения духовенства и общинных должностных лиц, нарушающих свои обязательства, ⁵⁰ распределение штрафов между семьей потерпевшего и его родственниками. ⁵¹ Если община отвечала за правильность распределения податей и внесения их в княжескую казну, о чем в Законе нет ни слова, но что вполне вероятно, то и эти все вопросы должны были быть рассматриваемы на общинных собраниях.

Нет сомнения, что община — не мертвое учреждение, но достаточно одряхлевшее, уступившее многие свои функции государству и ему подчиненное.

Для полноты представления об общественной и политической жизни Винодола нам остается рассмотреть винодольский суд.

VI. СУД

Винодольский закон, как и всякий закон, подобный ему, (Русская Правда, Законы града Загреба, Болгарский закон Судной людем, Польская Правда, Lex Salica и др.) представляет собою, главным образом, свод постановлений, относящихся к уголовному праву и процессу. Все подобные сборники законов можно назвать руководством для судей и отчасти для правителей, обычно облеченных и властью судебной. Вполне понятно, почему такие важные стороны жизни как хозяйство, классовые отношения, государственный строй в подобных памятниках всегда остаются на втором плане, вернее улавливаются исследователями сверх плана, потому что в план кодификатора эти вопросы не входили совсем.

Но зато судоустройство, процесс, понятие о преступлении, система наказаний неизбежно дают нам материал для суж-

⁴⁸ Сотник, гращик, бусович.

⁴⁹ Ст.ст. 15 и 17 о кмете и дьяконе, желающих уйти из общины.

⁵⁰ Ст.ст. 58, 25.

⁵¹ Ст.ст. 31, 37.

дения не только об уголовном праве и процессе, но и о других предметах, для историка весьма интересных и важных.

Я и ставлю себе задачу не только рассмотреть судоустройство и судопроизводство в Винодоле, но на сюжетах, относящихся к суду, еще раз подвергнуть проверке положения, высказанные в предшествующих главах.

1. Суд князя

Князю принадлежит и власть судебная, точно так же, как и по Русской Правде.¹ Княжой двор — главное место суда. Если кто спрашивает кого перед судом («перед двором на полачи»): так ли или нет, или обращается к нему с вопросом о каком-нибудь преступлении, тот имеет право либо сказать, либо умолчать (ст. 21). Если кто явится во дворец («перед двором») с показанием о преступлении, должен представить свидетелей и доказать, что это действительно так (ст. 22). Если перед двором будет разбираться дело по насилию или по татьбе... (ст. 9). Дворец в качестве места суда называется и в ст. 23, 47, 60 и др. Вероятно, во дворце имелась судебная палата («полача»), названная в ст. 21.

Княжеский дворец и, по всей вероятности, особая палата во дворце — не единственное место, где судит князь или его уполномоченный. Надо думать, что многие из княжеских чиновников имели право суда. (О «судаце» будет речь особо в сл. параграфе). Наконец, сам князь не сидел неподвижно в своей столице и в своем дворце. Закон Винодольский прямо указывает на то, что князь разъезжал по княжеству и во время своих поездок, несомненно, судил. «Если господин князь... или епископ... поедут по винодольскому княжеству, они имеют право во всяком городе, в какой бы ни приехал кто из них, получить через сотника для продовольствия своего и своей семьи быков и баранов («говед и брав»), каких только можно найти, кому бы этот скот ни принадлежал, кметам ли, или дворянам («племенитих луди»), попам или какому-либо другому человеку. Однако господин князь обязан заплатить через своих прманов за то, что он взял для себя, своей семьи и для всего своего двора...» (ст. 5).

Что князь и епископ во время своих поездок судили, об этом ясно говорит ст. 3. Когда епископ едет по общинам, он имеет право на обед и ужин от духовенства. Закон категорически запрещает брать с духовенства что-либо сверх обеда и ужина, «разве, прибавляет закон, если бы кто из них впал в какую-нибудь вину или преступление, за которое он

¹ «...Аще ли до света держат (тата.— Б. Г.), то вести его на княж двор» (Кр. Русск. Пр., ст. 38. То же и в Пр. Русск. Пр., ст. 40).

должен был заплатить пеню. Тогда епископ может за прегрешение брать 40 сольдинов венецианских в качестве пени...» Правда, тут говорится только о суде епископа. Но поскольку епископ и князь в поездках по Винодолу рассматриваются вместе, мы вправе заключить, что и князь с семьей и двором (в смысле людского его состава) не путешествует по княжеству, а едет в длительную деловую поездку. В числе его дел, едва ли не первое — суд.

Все важнейшие преступления подсудны суду князя: измена,² поджог,³ изготовление ядов и отравление,⁴ разбой.⁵ Все княжеские служилые люди подлежат суду князя. Если бы кто убил кого-нибудь из подкнежинов или дворцовых слуг («от слуг од обители кучне господина кнеза»), из прманов и убежал, князь имеет право взять вражду в угодном ему размере; если же убийцу поймут, то князь или тот, кому он поручит, может подвергнуть его наказанию («машене»), какое найдет нужным (ст. 29). Покушение на убийство княжеских людей и членовредительство их карается пеней тоже по усмотрению князя (ст. 30).

2. Суд общины

Когда в 1288 г. выбирались в общинах люди для участия в законодательном совещании, то от двух городов в числе других избранных оказались судьи: из города Хрилина «Живина судац» и от города Трасата «Доминик судац».

Кто эти судьи? Избраны ли они общиной или назначены князем? Если назначены князем, то они, конечно, и осуществляют скорее суд княжой, чем общинный.

Вопрос очень серьезный и требует специального рассмотрения.

Леонтович решает этот вопрос очень определенно. «Суд общинный,— пишет он,— как ясно видно из Винодольских законов, был самостоятельным учреждением. Указание на него дают статьи, говорящие о суде «перед двором и *инди*

² Если бы кто оказался изменником господину князю натуральному, господин князь имеет полную власть над ним и его имуществом, чтобы совершить над ним наказание («машенье») по своей воле (ст. 70).

³ Если бы кто подложил огонь в дом, лавку или в хлев, в первый раз двору пенья в 100 либр, во второй раз — конфискация имущества и смерть (ст. 68).

⁴ Ядосоставительница и отравительница в первый раз наказуется в 100 либр князю, за повторное преступление «господин князь пусть накажет ее по своей воле» (ст. 59).

⁵ Если перед двором будет разбираться дело по насилию («от сили») или по татьбе, истец же не имеет доказательств и будет дозволено обвиняемому присяга, то в таком случае обвиняемый должен присягнуть по разбою («од рубанья») сам — 25, а по татьбе сам — 20 (ст. 9).

(38, 51), о судебном купе (ст. 69), также о пенях исключительно в пользу общины (14, 31, 37, 48, 58)... Для суда в общинах назначались в особенности *судцы* (судац), бывшие в числе общинных выборных на Законодательном вече 1288 г. ...Сатники также упоминаются в числе учреждений, имевших участие в общинной администрации и суде». ⁶

Однако аргументы Леонтовича не могут быть приняты. Мы, например, уже видели, что сатник не судил, а только доставлял в суд обвиняемого. Мы могли убедиться, что «куп» значит совсем не то, что думает Леонтович: это не учреждение, а просто наречие, «вместе», «вкупе» и ничего больше. Выражение «пред двором и инде» может обозначать и суд княжеский, но совершаемый не в судебной палате дворца, а в любом другом месте, особенно во время поездок князя по Винодолу. Пени в пользу общины, как мы видели, присуждались и в княжеском суде. Остается вопрос о «судцах».

Ягич приводит ряд важных фактов, отнюдь не подтверждающих мнение Леонтовича. В глаголической грамоте № 11 (1381 г.) говорится: «Ни заповидамо твердо вашим подкнежином, судцем, сатником и всаке врстве официалом»; в грамоте № 29 (1430 г.) князь винодольский говорит: «За то всим подкнежином, судцем, сатником, дворником и иним нашим официелом, зданним и тим, ки наприд поставлени буду по Винодоли твердо заповидамо».

Здесь «судцы» включены в состав княжеских официалов, назначаемых князем.

На острове Крче были однако и «*iudex comitum*», и «*iudex communis*», т. е. судья княжеский и судья общины. Ягич полагает, что двое судей было только в главном городе, по городам же (*castrum*) князь сам назначал судей: «*Duo comites regentes facere sollumodo debent in quelibet castra de hominibus illius loci unum dvornicum et unum iudicem*».

На острове Цресе участвовали в избрании судей «*homines dictae insulae*» вместе с князем; избранных же утверждал князь (глаголическая грамота 1283 г.). На остров Паге одного судью назначал князь, другого выбирали; последний назывался «*iudex populi*».

Ягич не может не признать, что источники говорят и о значимости и о выборности судей, но на том основании, что в Винодоле власть князя была менее ограничена, чем на

⁶ Леонтович Ф. Древнее хорвато-далматское законодательство, стр. 22.

островах, он считает «доказанным, что большая часть судей по городам состояла по назначению князя». ⁷

К наблюдениям Ягича можно прибавить еще несколько фактов, взятых из других хорватских статутов. Например, в Вепринацком статуте 1507 г. имеется ст. 27: «Закон наш е: да на дан трех крали има мали комун с плованом жупана и судце и сатника изабрат; и те трих мужи има плован ротит на правду». ⁸ В Вербанском статуте (1362—1599 гг.) имеется статья 1526 г. под заголовком «Како е има судац у Врбнину барати», где говорится об утверждении Венецией одного из двух выбранных кандидатов. Хотя этот параграф статута довольно поздний, но по своему содержанию настолько интересен, что передать его содержание я считаю полезным.

1 октября 1526 г. к венецианскому провизору, светлейшему господину Августину Валерио в зал его дворца явились представители города Вербеника с просьбой разрешить их спор. Дело в том, что в городе Вербенике образовались две партии, из которых каждая выбрала своего судью. Обе партии настаивали на утверждении своих кандидатов. Предвиделись волнения в городе.

Провизор, желая предотвратить волнения и создать мирную и спокойную обстановку в городе, постановил, чтобы в городе Вербенике было созвано новое собрание в присутствии вицекомеса (это и есть подкнежин) и господина плебана, на котором и должно пробаллотировать кандидатов. Получивший большинство голосов и будет судьей на текущий год. Так следует поступать из года в год. ⁹

Тут мы видим выборность судей сроком на год. Выборы происходят в присутствии подкнежина и представителя церкви. Выборы утверждаются князем.

Документ очень вразумительный, но, к сожалению, поздний.

Несмотря на привлечение значительного, дополнительного к Винодольскому статуту 1288 г., материала, мы все-таки не находим строго определенного решения вопроса о выборности или назначаемости судей в Винодоле. Они чаще выбирались, чем назначались, но и самые выборы происходили в присутствии княжеского чиновника (по ст. 57 ни одно собрание не считается правомочным без присутствия княжеского человека), выборы утверждались князем, т. е. общинный суд находился под контролем государственной власти.

Соотношение между княжеским судом и судом общины не носит характера противопоставления двух принципов: суд

⁷ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 133—134.

⁸ Monumenta historico-juridica, p. I, vol. IV, стр. 215.

⁹ Там же, стр. 173—174.

общины выполняет ту же функцию, что и суд князя, и под контролем князя.

Не следует забывать ст. 40, где ясно сказано, что ни один оправдательный или обвинительный приговор не может быть вынесен без воли князя или того человека, которому князь это поручил.

3. Преступление и наказание

Где нет иска (жалобы), не может быть и присуждения пени. Никого нельзя принуждать предъявлять иск (жалобу) по какому бы то ни было делу перед двором или где-нибудь в другом месте («инди»). Жалоба должна подаваться по доброй воле. Кто тяжбу начал, тот должен довести ее до конца. Таков смысл ст. 38. Он может послужить исходной точкой для суждения о понятии преступления в Винодоле XIII в.

Здесь не государство преследует правонарушителя, а пострадавшее лицо обращается в государственный суд. Но в Винодольском статуте есть и другая статья, которая говорит о том, что государство откликается не только на жалобу пострадавшего, а и на совершенное «зло», если о нем доложит в суд всякий человек, не обязательно пострадавший. Это статья 60-я. Она очень интересна, и я привожу ее в подлиннике. «Йочше ако би ки отел показать никога од никога зла творене пред двором вола от никога инога банда или нике ине ричи, има тако речи двору: иа теби покажую такова од такове ричи; или: теби дим, да таков е учинил такову рич. Ни другога указане вола показание не вридно. И ако би ники показал никога двору, а не могал указати га, остани двору ону пену, ку би остал он ки би остачен бил, и остачени буди прост».¹⁰

В очень обобщенной форме (кто-нибудь, на кого-нибудь, какое-либо злодеяние или по какому-либо иному предмету и т. д.) говорится в этой статье о заявлении в суд. Не только потерпевший здесь имеется в виду, а всякий человек, действующий, можно допустить, даже не по личной заинтересованности, а по соображениям характера общественного. И суд обязан реагировать на подобное заявление. Закон ста-

¹⁰ Перевод Ягича: «Если бы кто хотел донести на кого-нибудь пред двором по какому-либо злодеянию или какому-нибудь другому преступлению или по какому-либо предмету, он должен доложить двору следующим образом: я доношу тебе на такого-то по такому-то предмету; или же: я говорю тебе, что такой-то сделал такое-то дело. Другого донесения нет, или донесение считается недействительным.

Если же кто-нибудь донесет на кого-либо в двор, но не будет в состоянии доказать свой донос: да будет приговорен к уплате той же пени двору, к которой приговорили бы того, который был бы обвинен, а обвиненный да будет свободен» (Указ. соч., стр. 84—85).

вит условие, чтобы заявление было доказано. В противном случае доносчик подлежит тому же наказанию, какое было бы наложено на преступника, если бы его преступление было доказано.

Наконец, мы имеем возможность убедиться и в том, что само государство в лице князя по своей инициативе иногда принимает меры к раскрытию преступлений. В ст. 45 говорится о вознаграждении за помощь в раскрытии правонарушений. Вознаграждение не должно превышать 40 сольдинов. Исключение возможно только в том случае, если сам господин князь захочет разведать какое-либо преступление по службе («ники худ официи») или открыть какую-нибудь вещь, что-либо другое, имеющее отношение к князю.

Тут речь идет о двух вещах: 1) о раскрытии преступлений по службе и 2) о раскрытии преступлений, относящихся к личности князя или его двора. В данном случае меня больше интересует пункт первый.

Тут же следует указать вообще на преступления должностных лиц, привлекаемых к суду по инициативе государства. Так, пристав, уличенный в недобросовестности («крив») привлекается к суду и наказывается лишением всего своего движимого и недвижимого имущества (ст. 51). Недобросовестный свидетель отвечает перед судом и штрафуется 8 либрами или одним волом (ст. 52).

Все это свидетельствует о достаточно высоком уровне представлений винодольского общества об уголовном праве.

Не подлежит также сомнению, что государство, как классовая организация, в данном случае класса землевладельцев-феодалов, защищает этот класс тоже по своей инициативе, путем установления более высоких наказаний за причинение лицам этого класса ущерба материального, членовредительства, убийства и т. п.

Наказание по Винодольскому статуту — не только возмещение ущерба, но и возмездие, налагаемое за преступление государственной властью. Для Винодола XIII в. уже давно прошло то время, когда господствовала родовая месть. Только в терминологии Винодольского статута сохранилась связь с этим уже успевшим отмереть институтом. Наказание, налагаемое государственной властью, в Статуте называется старым термином «машение» — мщение.¹¹ Не надо, однако, упускать из виду, что рядом со столь высокими представлениями об уголовном праве в Винодольском статуте еще жи-

¹¹ Если поймут убийцу, князь, или по его полномочию кто-либо другой, судит и налагает наказание по своему усмотрению [«...има... кнез или ники мисто нега учинити ко годи машени буде хотил...» (ст. 29)]. То же в ст. ст. 31 и 70.

бучи и старые пережитки. Мы можем на ряде статей убедиться в том, что еще довольно часто преступление понимается и как причинение материального ущерба, «шкоды», наказание — как возмещение этой «шкоды».

В этом отношении характерно употребление термина «шкода». Дословно это значит ущерб, убыток. Термин этот, перенесенный в область уголовного права, говорит о том, что преступление в некоторых случаях рассматривается именно как причинение убытка, требующее возмещения. Ст. 71 в этом отношении интересна и по содержанию, и по своей архаической форме. «Если я застану ночью разбойника у моей «шкоды», причиняющего мне «шкоду», и не буду в состоянии поймать его живого или не знаю его, чтобы жаловаться в суд, и его убью, не подлежу никакому осуждению...» Но и здесь предполагается, что если бы защищающий свое имущество мог поймать преступника, то последний был бы представлен в суд и судим по закону. Закон не карает убийства по необходимости во время защиты имущества.¹²

Закон строго различает преступление, совершенное в первый раз и повторно. Составители ядов и отравители в первый раз караются штрафом в 100 либров или сжигаются, если у них нечем заплатить. За повторение преступления князь может наказать по своему усмотрению (ст. 59). Поджог в первый раз карается штрафом в 100 либр и обязательством уплатить пострадавшему стоимость сожженных вещей или же конфискацией имущества, во второй раз — смертная казнь и конфискация имущества (ст. 62).

Степень тяжести преступления различается также и по времени его совершения: кража ночью с кличем¹³ карается в 50 либр, без клича — не больше 40 сольдинов и двойное возмещение убытка; кража днем — не больше 40 сольдинов и двойное возмещение убытка (ст. ст. 7 и 8). Стало быть, понятие вменения не совсем чуждо винодольскому закону.

Закон различает социальное положение пострадавшего: за убийство княжого человека суд налагает наказание по своему усмотрению, за убийство кмета — 100 либр и 2 либры общине (ст. ст. 31 и 29). За ранение княжого человека взыскивается штраф в 25 либр (ст. 30), за кмета — не выше 40 сольдинов, т. е. в 12^{1/2} раз меньше, плюс оплата лечения (ст. 25).

¹² Ср. Кр. Русск. Пр., ст. 21: «Аже убьют огнищанина у клетки, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити во пса место...» и Пр. Русск. Пр., ст. 40: «Аже убьют кого у клетки или у которое татбы, то убьют во пса место...»

¹³ «Клич» иначе «вопай» — *Geschrey* Польской Правды. Крик, призывающий на помощь всех слышавших этот крик. На помощь обязаны были являться все слышавшие клич.

Винодольский закон считает наказуемым оскорбление словом. Если мужчина или женщина скажут неприличное слово («неподобно рече») или станут ругать мужчину или женщину, и это будет доказано свидетелем или свидетелями, виновный принуждается к уплате 2 либр двору и 2 либр обиженному (ст. 28).

Закон называет следующие преступления: 1) против личных прав — убийство, отравление, разбой, членовредительство, личные обиды, 2) против имущественного права — татьба, грабеж, поджог, 3) преступления по должности и 4) государственная измена.

Один этот перечень уже говорит о сложности общественной и политической жизни Винодола, о многообразии задач, стоявших перед государством по обереганию общественного строя, созданного предшествующими веками. На незначительной береговой полосе Адриатического моря мы можем наблюдать процесс, в своей основной сущности повторяемый и на других огромных пространствах земли.

Рассматривать все виды перечисленных видов преступлений я не собираюсь. Для моих задач гораздо больше даст более детальное изучение системы наказаний.

Леонтович полагает, что преступление, и наказание «определяется... прежде всего с частной точки зрения. Старый частный характер наказания проглядывает в самом названии его «машение»... Общественная власть *мстит* виновнику преступления...»¹⁴ Мы могли уже убедиться на раскрытии понятия преступления, что это не так. «Машение» Леонтович понимает неправильно, и на это уже указал в свое время Ягич, который считает, что это «просто на просто церковнославянское слово, означающее «наказание...»¹⁵

Термин «машение» встречается в Винодольском законе три раза, в ст. ст. 29, 31 и 70. По ст. 29 князь учиняет «машение» над пойманным убийцей княжого человека, т. е. подвергает его наказанию по своей воле. По ст. 31 пойманный убийца кмета подвергается наказанию (уплате 100 либр родственникам убитого и 2 либры общине). По ст. 70 по отношению к предателю применяется «машение» по воле князя [«Господин кнез имии пуну област зврху нега (предателя) и

¹⁴ Леонтович Ф. Древнее хорватско-далматское законодательство, стр. 30.

¹⁵ Правда, Ягич прибавляет тут же: «И «мечь» по собственному произволу» (Ягич В. В. Указ. соч., стр. 95, прим. 176). Эта прибавка мало понятна. «Машение», т. е. наказание производилось по воле князя (ст. ст. 29, 70) или по предусмотренной законом шкале наказаний (ст. 31). Но и в том, и в другом случае, это не мечь, а именно наказание, налагаемое государственной властью.

зврху негова блага за учинити машенье зврху нега на свою волу»].

Несомненно, в ст. 31 мы имеем денежный выкуп, пережиток глубокой древности. Но можно ли из этого случая сделать вывод, к какому пришел Леонтович? Значит ли, что здесь наказание имеет «частный характер», что «общественная власть мстит виновнику преступления»?

На основании этой статьи и нескольких других, говорящих о штрафах, идущих в пользу пострадавшего или его родных, делать такое решительное заключение невозможно. Невозможно потому, что огромное количество других фактов стоит в противоречии к такому заключению. Все содержание Винодольского статута свидетельствует о наличии государства, достаточно сильной государственной власти, государственного суда, понимания преступления, как нарушения закона, и наказания, основанного на вменении. Следовательно, при этих условиях не может быть и речи о мести, как явлении, определяющем характер винодольского уголовного права. Речь может идти лишь о пережитках, пережитках очень любопытных, заслуживающих самого внимательного к ним отношения.

Мы уже видели, что за убийство кмета взыскивается штраф — «осуд» в пользу семьи и родственников убитого (50 либр семье, 50 либр родственникам) и 2 либры в пользу общины (ст. 31).

За изнасилование женщины положен штраф в 50 либр в пользу князя и столько же пострадавшей женщине (ст. 56). Оскорбленная женщина (мужчина скинул с нее покрывало или накидку) получает 48 либр, кроме того 2 либры идут князю (ст. 27). Если женщина женщине скинет покрывало, она платит обиженной 2 овцы и князю 2 либры (ст. 27).

За оскорбление словом виновный обязан платить князю 2 либры и оскорбленной стороне тоже 2 либры. За побои и раны между кметами обиженный получает 2 барана и на лечение, и князю не свыше 40 сольдинов (2 либры) (ст. 25). Вот и все случаи, когда штраф за преступление идет потерпевшему, но никогда только ему одному, а всегда и князю, т. е. ни разу в законе мы не встречаем чистой композиции, а всегда в сочетании с наказанием от государственной власти.

Винодольский закон знает случаи, когда штраф платит не сам преступник, а его родственники. Существовало даже общее правило, что родственники обязаны платить только половину штрафа, «за ч племе ни држано нере од пол». ¹⁶ Если

¹⁶ «...Потому что родственники не обязаны вносить более, чем половину» (ст. 29).

кто убьет княжого человека и сам скроется, то половину штрафа, причитающегося за убийство, платят князю родственники убийцы. Если убийца пойман, он сам и платит, а родственники убийцы в таком случае не платят князю ничего (ст. 29). Если убит кмет, и убийца скрылся, половину штрафа платят родственники, половину — наследники, если у него есть таковыя (т. е. семья). Кому? В данном случае, очевидно, семье убитого и его родственникам (по 50 либр) и 2 либры общине. Если убийца будет пойман до уплаты штрафа его родственниками и наследниками, наказанию подвергается сам убийца, а его родственники свободны от платежа (ст. 31).

Между законом о наказании убийцы привилегированного человека и законом о наказании за убийство кмета — принципиальная разница. В первом случае штраф идет князю, во втором — родственникам и наследникам убитого кмета и 2 либры общине. Разница очень важная: привилегированные люди, если не совсем, то в очень значительной степени порвали связи с общиной, крестьянин крепко за нее держится. В истории крестьянской сельской общины любого народа можно наблюдать то же явление: богатые люди выделяются из общины и живут обособленной от нее своей собственной жизнью.

Итак, Винодольский закон далеко ушел от того первобытного состояния общества, когда преступление носило характер частный и когда наказание сводилось к мести и композициям. Но в крестьянской среде сохранились еще значительные следы прошлого. Тут невольно вспоминается Русская Правда с ее очень ясной оговоркой: «Аще убьют огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убийци, а людям не надобе...» (Кр. Русск. Пр., ст. 19). «Будет ли стал на разбой без всякая своды, то за разбойника люди не платят, но выдают и всего с женою и с детьми на поток и разграбление» (Пр. Русск. Пр., ст. 7).

Воспоминание о сравнительно недавнем прошлом и утверждение нового, настоящего: отмена общинной ответственности за убийство, если убийца оказался налицо.

Но весьма существенная разница в том, что в Русской Правде говорится «о людях», в Винодольском статуте — о «ближниках», «племени», т. е. о родственниках. В Пространной Русской Правде статья об убийстве княжого мужа, к числу которых относился, конечно, и огнищанин, сказано несколько иначе: «Аже кто убьет княжа мужа в разбой, а голова не ищит, то вивевную платити в чьей же верви голова лежит, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен» (Пр. Русск. Пр., ст. 3).

Из сопоставления этих статей видно, что «людьми» называются члены верви, которая платит виру только в случае отсутствия убийцы. Стало быть, русская вервь не кровное объединение, а территориальная соседская община. «Чем больше жил род в своем селе..., тем больше родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из родственных отношений членов общины». ¹⁷

В Винодольском обществе XIII в. этих следов осталось несравненно больше, чем на Руси XI в. Предположительное объяснение этому я дам в заключительной части этого очерка.

4. Процесс

Судебный процесс отразил на себе состояние общественных отношений так же, как и судоустройство. И здесь мы прежде всего можем отметить факт классового подхода к сторонам на суде. Ст. 54 запрещает кмету быть на суде полномочным представителем («одговорником») племенитого человека и племенитому человеку представлять на суде кмету. Только князь может разрешить отступление от этого правила. Нарушитель этой статьи подвергается штрафу в 8 либр, половина коего идет князю, половина — тому, кого незаконно представлял нарушитель. 8 либров могут быть заменены 2 волами (вол стоил 4 либры).

О классовых различиях в правах на суде говорит как будто и ст. 66. В ней написано: «Вне города, т. е. в сельских местностях, пастух и орачи и иные люди «добра гласа» считаются достоверными свидетелями по делам о разбое, грабеже и других злодеяниях («в рубани тако в силах и ва ином злу»). Если из этой статьи прямо и не вытекает, что в городе орачи и пастухи и другие, конечно сельские, люди не имеют права быть свидетелями, то во всяком случае выделение сельских жителей в особую статью говорит о том, что сельские люди — в основном, кметы — в своих правах чем-то отличаются от не-крестьян, и ясно, что не в сторону расширения этих прав, а в сторону их ограничения, поскольку кметы, как класс, поставлены ниже людей племенитых и служилых. ¹⁸

В своих деталях процесс для племенитых людей и кметов

¹⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Собр. соч. Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. 1, стр. 128.

¹⁸ Леонтович считает, что сословные различия не имели места в делах свидетельских показаний: пастырь, орачи и «иные люди добра гласа» допускались в сведоки на общем основании. (Древнее хорв.-далм. законодательство, стр. 42—43).

ничем не отличался. На суде выступали либо лично, истец и ответчик, или же «одговорники», «ответники». Последние выступали на суде за плату: от больших дел не больше 10 сольдинов, от малых — 5 сольдинов. ¹⁹

Истец и ответчик называются сторонами («страни», ст. 51, 52, 53). Ответчик называется иногда «страна супротивна» (ст. 47). Истец называется «парац» (ст. 9).

Процесс вчинялся или вследствие заявления в суд («тужба»), или вследствие поимки виновного на месте преступления и предъявления его в суд. ²⁰

Судоговорение называлось «пра» — прение или «правда». ²¹ Эти термины обозначали и гражданский иск (ст. ст. 48 и 54). Этим же термином Статут пользуется и для обозначения уголовного процесса. ²² Иногда процесс носит название «тужба», ²³ но этим термином обозначался, повидимому, и акт вчинения процесса. «...Кади не би била тужба, ни ниедан осуд... ниедан учинити нику тужбу од нике речи пред двором или инди, невече ако е ш него добру волу. Ту тужбу ки учини, има ю на конец припелати» [Где не было иска, не может быть и пени... никто не может быть принуждаем вчинять иск по какому-либо поводу перед двором или где-нибудь в другом месте, если не по доброй воле. Кто (тяжбу) иск вчинил, должен довести тяжбу до конца (ст. 38)].

Наиболее интересная сторона процесса — это система судебных доказательств. Закон знает в качестве таковых: собственное признание, письменные документы, показание свидетелей, присягу, поличное и улики. Обвиняемый может сам сознаться или отречься. «...Ако ки пита (спрашивает:— Б. Г.) никога пред двором на полачи пред судом.— Б. Г.) и рече: е тако, вола ни? (так это или не так? — Б. Г.)... он (обвиняемый.— Б. Г.) «волан је повидать вола таити» (волен отвечать или молчать.— Б. Г.).

¹⁹ Большим иском называется иск, превышающий 40 сольдинов (ст. 48).

²⁰ «Ошче кади не би била тужба, ни ниедан осуд ни се има стиснути» (где нет иска, там нет и штрафа) (ст. 38). «Тужити» — подавать в суд жалобу (ст. 23).

²¹ «Пра» и «правда» часто синонимы. Например, в ст. 48 читаем: «...Ниедан пристав не море вече (больше.— Б. Г.) взети разви 10 солдини от наивече (наибольшей.— Б. Г.) пре, а ниевеча правда от ричи, ке годи ка е вридна наивече солдина 40, а од наимаанше пре, ка е такое солдина 40...» Здесь два раза «пре» и один раз «правда» употреблено в одном и том же значении. В добавочной статье: «...Ако правда, згоди се в двори» (если тяжба, суд произойдет во дворе). См. также ст. ст. 53, 75.

²² «От силы пра», т. е. процесс о разбое или грабеже (ст. 9). Леонтович без достаточного основания считает, что «пра» относится только к процессу гражданскому.

²³ Например, в ст. 27.

Один письменный документ, фигурирующий на суде в качестве доказательства, назван в ст. 44. Это счетные тетради винооторговца.

Присяга — «рота» — как средство доказательства весьма распространена. Рота упоминается в ст. ст. 7, 9, 44, 56, 64, 69. К «роте» прибегают на суде, главным образом, когда нет свидетелей. «Рота» приносилась «такнув у свето евангеле» (ст. 42), т. е. дотронувшись до святого евангелия.

Поличное и улики являлись достаточным доказательством сами по себе (ст. ст. 23, 71), но некоторые улики требовали подтверждения свидетельскими показаниями или присягой. Например, если кто покажет свою кровь, которая причинена ему со злым намерением, кровь считается доказательством («Крв му е верована»). Однако же окровавленный должен «ротой» подтвердить, если у него нет свидетелей (ст. 44).

Улики должны быть предъявлены в суд не позже 3 дней после их обнаружения (ст. 41).

Наиболее сложной и разработанной частью судебных доказательств является показание свидетелей и связанный с ним институт поротников (*conjuratores*, послухи). Наиболее полную силу доказательства имеют свидетельские показания.

В Винодолском статуте по этому предмету имеется обобщающего характера статья. Если кто является в суд с заявлением о преступлении, должен представить свидетелей (ст. 22).

От свидетеля по Винодолскому закону требуются прежде всего моральные качества, позволяющие доверять свидетелю. Обычно в статуте предъявляется к свидетелю требование, чтобы он был «верован», т. е. достоин доверия,²⁴ или «добрым» мужем или «доброй» женой,²⁵ человеком «добра гласа»,²⁶ женой «добра гласа».²⁷ Свидетель, однажды оказавшийся недобросовестным, штрафуется в пользу князя 8 либрами или одним волом и впредь лишается права быть свидетелем до особого разрешения князя. Для того, чтобы доказать недобросовестность свидетеля, нужны показания трех заслуживающих доверия людей (ст. 52).

Разрешается приводить свидетельство уже умерших свидетелей, если есть живые люди, слышавшие от умерших об обстоятельствах разбираемого на суде дела (добавочная статья). Принималось во внимание служебное положение свидетеля: сотник, грашник и бусович считаются достоверными свидетелями по делам, случившимся во время их службы и

²⁴ Ст. ст. 7, 23, 59.

²⁵ Ст. 27.

²⁶ Ст. 66.

²⁷ Ст. 18.

относящимся к их компетенции. Но они теряют право быть свидетелями по этим делам спустя год по оставлении ими должности (ст. 26).

Совершенно запрещается свидетельствовать жене тяжущегося: «Никто не может брать себе в свидетели свою жену: ни по какому предмету она не считается свидетелем достоверным» (ст. 20).

Точно так же отец о сыне, сын об отце и дочь об отце не могут быть свидетелями. Брат же для сестры и сестра для брата могут быть свидетелями только в том случае, когда живут отдельно, в разделе («ако стое всак по себи и раздлени есу мею собом»), самостоятельно ведут свое хозяйство (ст. 67). Иными словами, ближние родственники, члены одной семьи не могут свидетельствовать на суде друг за друга до раздела семьи на части, до выхода из семьи сыновей и дочерей, очевидно, успешных создать свою собственную семью.

Процветает институт *поротников*, соответствующих послухам Русской Правды.²⁸

Поротниками назывались люди, своей присягой удостоверившие доброкачественность лица, за которого они выступали. Чем большее обвинение предъявлялось обвиняемому, тем больше поротников он должен был выставить за себя, чтобы оправдаться.

В случае обвинения в убийстве обвиняемый должен очистить себя сам — 50,²⁹ найдя себе поротников, как лучше знает и может. Если он не имеет полного числа поротников, пусть сам присягнет столько же раз вместо тех, которых не достает ему (ст. 68).

Когда дело идет об изнасиловании, пострадавшая, если у нее нет свидетелей и она вообще заслуживает доверия, должна присягнуть сама — 25, кладя руку на евангелие. Поротников она должна найти сама, как лучше знает. Если она их в должном числе не найдет, то сама должна присягнуть вместо тех, которых ей недостает. Поротники в этом специфическом случае должны быть женщины (ст. 56).

По обвинению в разбое обвиняемый для своего очищения должен присягать тоже сам — 25 (ст. 9).

²⁸ Проф. Мацеёвский без достаточных оснований утверждал, что только Русская Правда различает «видоков» и «послухов», а другие славянские законодательства будто бы знают только «свидетелей». Maciejowski W. A. *Historija prawodawstw slowianskich*, т. III, § 217, стр. 243. Леонтович считает этот институт «вполне сродным с очистниками и помочниками старочешских законов, Русской Правды и других славянских законодательств». Леонтович Ф. *Древнее хорватодалматское законодательство*, стр. 43.

²⁹ В издании Винодолского закона под ред. Рачкого — сам — 40 (*Monumenta historico-juridica*, р. I, vol. IV, стр. 22). Леонтович ошибочно оперирует с «сам—85» (Указ. соч., стр. 44).

Обвиняемый в татьбе должен присягнуть сам — 12 (ст. 9). То же полагается сделать и обвиняемому в насилии, произведенном на винодольской пристани (ст. 11). Наконец, обвиняемый в краже из «мошуны» или в сожжении хлеба, стоящего в поле, или в краже сена из стога ночью должен присягнуть сам — 6.

Итак, по нисходящей линии от сам — 50 до сам — 6.

Леонтович высказал мысль о том, что эти цифры указывают на *minimim*: если обвиняемый может найти большее количество поротников, тем для него лучше. Он исходил из толкования следующих мест закона: «Найдуч своих поротники, како наиболее ви и море» (ст. 68), «Ке поротнике та жена найди, како боле ви» (ст. 56), «найди поротнике, како боле море» (ст. 10). Леонтович считает, что «наиболее» и «боле» обозначает количество.³⁰ Ягич понимает эти выражения иначе: он видит здесь указание на образ действия ищущего себе поротников. Ищущий поротников естественно проявляет большую энергию в своих поисках, насколько хватает у него сил и возможностей.

Соображения Леонтовича не кажутся мне убедительными, потому что во всех варварских правдах всегда точно указывается количество необходимых в каждом случае соприсяжников. Едва ли Винодольский статут представляет в этом отношении исключение. Наконец Ягич, крупнейший филолог своего времени и к тому же хорват, тонкости своего языка понимал, повидимому, в совершенстве. Естественно, что с его трактовкой терминов и вообще языка Винодольского закона мы имеем все основания считать весьма серьезно.

Если мы сравним институт поротничества с аналогичным институтом других народов, то увидим, что и в Русской Правде положено определенное число послухов (7 или 2). У чехов (*Rad práva zemského*) истец должен представить 9 послухов, из коих ответчик может отвести двоих; сам же он должен выставить своих семь. В *Lex Salica* при обвинении в нападении на чужую виллу и ее ограблении обвиняемый очищается при помощи 25 соприсяжников (*tit. XLII, § 5*). При поджоге требуется 20 соприсяжников (*tit. XVI, § 4, приб. 3*).

Не *minimim* необходимых поротников указывается в Винодольском законе, а *maximim*, потому что закон не закрывает глаз на то, что полное количество поротников не всегда может быть найдено и потому добавляет оговорку об обязанности не нашедшего полного числа поротников присягать столько раз, сколько недостает ему поротников.³¹ Трудно

³⁰ Леонтович Ф. Указ. соч., стр. 44.

³¹ «Ако поротники нима, вола их толико не море имити, та жена присечи е држана за оних, ки иои манкаю» (ст. 56).

предположить, чтобы в подобных случаях не нашлось ни одного поротника и, скажем, обвиненному в убийстве пришлось бы присягать 50 раз.

Институт поротников очень старый. Он идет от родового строя. Родственники выступали на защиту члена своего рода. С другой стороны, этого требовал характер процесса, где количество соприсягающих имело решающее значение. В Винодольском законе, как и в Русской Правде, поротники и послухи уже не являются родственниками, а людьми посторонними, которых нужно искать.³² Ясно, что родовые отношения в винодольском обществе — это далекое прошлое, хотя и не столь далекое, как на Руси не только в это же время, но и в период Русской Правды, где родственники фигурируют только один раз в 1-й статье древнейшей Правды, в статье, трактующей об умирающем институте кровавой мести.

Очень трудная для понимания и в то же время очень интересная ст. 69 дает нам важные подробности о присяге сторон и поротников. Оказывается, что присяга происходила в торжественной обстановке, публично и в обычном месте [«када буду накуп (вместе) на ном месту обичайном, коди се роте чине»]. Стороны могли помириться или одна из сторон могла откупиться до «роты». «Рота», как и весь суд, происходила в присутствии княжеского человека. Все это выясняется из данной статьи с точностью. Неясность имеется в вопросе о деньгах, о какой-то плате, без которой могут быть отпущены поротники. Говорится о каких-то деньгах, взыскиваемых с прощенного (если дело идет о примирении до «роты»). Тут много неясного. Возможно допустить, что при примирении обвиняемый выплачивал известную сумму («и прост буди онде уготован за толико, за колико остане присечи»).³³ Но совсем мало понятными остаются слова о поротниках. «Да все ине поротнике море пустити през ниедне цине». Перевести их не трудно, но понять, о чем речь — нелегко. «Что касается прочих поротников, то их можно отпустить без какой-либо платы». ³⁴ Ягич понимает это место так: ответчик выкупается от «роты», всех же прочих соприсяжников (т. е. которые должны были быть пособниками присягавшего) может истец отпустить «без цены», т. е. без уплаты какой-либо выкупной

³² Мужу, жене, братьям и сестрам запрещено выступать свидетелями друг за друга.

³³ Ягич сильно затрудняется понять это место и решает его перевести так: «Прощенный да будет приготовлен тут же внести столько, насколько он был обязан присягнуть (т. е. смотря по тому, сколько раз следовало бы ему присягнуть)». (Ягич В. В. Указ. соч., стр. 93—94. прим. 175). Нельзя сказать, чтобы тут что-либо разъяснено полностью.

³⁴ Перевод Ягича.

таксы. В словах «без цены» я вижу прямую противоположность к словам «буди онде уготован за толико, за колико остане присечи». Итак, прочие «без цены» освобождаются от обязанности присягать, главный же ответчик «с ценою». Но есть и в Полицком статуте указание на то, что освободиться можно было выкупом; в ст. 149 говорится ясно: «Тому яки би се тко искупио али одмолио и пусти ли га страна у право, име той како да би присегао», т. е. по словам Полицкого статута даже отдельный поротник мог выкупиться или выпроситься.³⁵ Очевидно, дело обстояло так: поротники вообще выступали бесплатно; но в случае когда сторона, за которую они пришли присягать, получала деньги за прекращение иска, они тоже могли претендовать на часть этой суммы. Закон это запрещает.

Впрочем, откуп допускался только в неважных делах («...ка рота би била за малу рич», ст. 69).

На суде в качестве представителя власти присутствовал *пристав*. Он предпринимает некоторые необходимые действия до суда: созывает свидетелей: «...Ниедан сведок..: нима свидочити, ако нии прво питан од пристава». Нарушитель этого правила штрафует в 40 сольдинов в пользу князя (ст. 19). Пристав участвует в поимке украденного скота (ст. ст. 49 и 50).

Пристав — официальное лицо. Сторона, нуждающаяся в его услугах, должна брать его «од двора» (ст. 50). Государственная власть, от имени которой пристав участвует в суде, берет на себя ответственность за добросовестность пристава и строго карает пристава за нарушение его служебного долга.

Предполагается, что пристав вообще честен, но он может и согрешить. Ст. 65 об этом и говорит: «Още пристави... есу веровани, ако крива не найду». Пристав заслуживает доверия до тех пор, пока не уличен в кривде.

Если бы пристав оказался недобросовестным, он отвечает перед князем всем своим движимым и недвижимым имуществом и лишается права быть приставом до особого разрешения князя. Сторона, против которой пристав выступал ложно, оправдывается (ст. 51).

Наказание суровое.³⁶ Но преступление пристава должно быть доказано. Недоказанное обвинение пристава карается штрафом в пользу князя в 40 сольдинов и в пользу пристава в 8 либр, которые могут быть заменены одним волом (ст. 51).

³⁵ Ягич В. В. Указ. соч., стр. 94—95, прим. 175.

³⁶ В Полице недобросовестному приставу по «старому закону» вырвали три ребра. Полицкий статут, ст. 67^c (126).

От государства пристав, повидимому, не получал ничего. В законе имеются указания на то, что от участия в суде, равно как и в досудебных действиях, пристав получает некоторое вознаграждение от истца.

Если пристав участвовал в разыскании украденного мелкого скота, он от истца получает пару подметок. Если разыскиваемое животное пристав находил мертвым, но еще в свежем и целом виде, пристав получал четвертую часть мяса. Если животное оказывалось уже не в целом виде, все мясо поступало приставу (ст. 49). Если же пристав участвовал в разыскании украденного крупного скота, приставу полагалось 5 сольдинов за каждую голову без различия, живо или мертво животное.

Если пристав разыскивает украденные вещи, то размеры его гонорара зависят от стоимости разыскиваемой вещи. Если вещь стоит 40 сольдинов и выше, пристав получает 5 сольдинов; если вещь стоит меньше 40 сольдинов, пристава полагается 2 сольдина (ст. 50).

Относительно вознаграждения пристава есть статья общего характера: «Ни один пристав не может брать более 10 сольдинов от самой большой «пре». Большая — касается предметов, стоимость которых превышает 40 сольдинов, небольшая — по предметам, не превышающим стоимость в 40 сольдинов. По этим последним искам пристав имел право получить 5 сольдинов (ст. 48).

Если сопоставить ст. ст. 50 и 48, то мы получим следующую шкалу денежного вознаграждения пристава 10—5—2 сольдинов. Мясо и подметки надо, очевидно, поставить тоже в этот ряд, но на последнем месте.

Роль пристава, его отношение к общине полнее обрисованы в Полицком статуте, но, может быть, здесь и нет необходимости привлекать этот более поздний материал, поскольку права и обязанности пристава достаточно ясно обрисованы самим Винодольским законом.

Расценки услуг пристава говорят о сравнительно небольшой роли его в процессе.

Итак, пристав — служитель суда. «Дать пристава» (*Acta Croat.*, № 3, 4, 18, 33 и пр.) это значило начать предварительную судебную процедуру. Пристава упоминаются уже в грамотах XI—XII вв. (*Monumenta hist.-jurid.*, VII, 89. *Cod. diplom.*, II, 90, 140).

Попробуем подвести некоторые итоги.

1. Суд в Винодоле производится самим князем или от имени князя.

2. В общинах есть и местный суд.

3. Все важнейшие дела разбираются в суде княжеском.

4. Только княжескому суду подсудны дела служилых княжеских людей.

5. В общинах избираются судьи, но всегда с утверждения князя. Иногда судьи назначаются князем. Общинный суд находится под контролем князя.

6. Преступление рассматривается не только как нарушение чьих-либо личных интересов, но и как нарушение закона.

7. Наказание — не столько возмещение ущерба, сколько возмездие, налагаемое государственной властью за преступление. Принцип вменения, несомненно, известен статуту.

8. Винодольский закон в первую очередь защищает интересы людей племенитых и служилых.

9. Месть отошла в область преданий. Остался только термин «мщение», обозначающий в Статуте «наказание» по закону.

10. Имеются пережитки древней системы композиций.

11. Родственники сторон участвуют как в платеже композиций, так и в получении их. В крестьянской среде участие родственников заметно больше, чем в среде людей привилегированных.

12. Процесс носит на себе некоторые пережитки родового строя. Об этом прежде всего говорит развитый институт соприсяжников.

13. Однако соприсяжники — поротники в Винодоле XIII в. — уже не родственники, а люди посторонние, которых сторонам приходится искать и находить не без труда.

14. На суде присутствует от князя пристав, что еще раз подтверждает мысль о том, что суд находится под контролем государства.

VII. ВАЖНЕЙШИЕ ВЫВОДЫ

В результате изучения Винодольского статута мы приходим к ряду выводов.

Винодольское общество далеко не примитивное. Винодольская община в XIII в. — община территориальная, сохранившая лишь некоторые пережиточные черты, ведущие свое происхождение от родового строя.

Родственники убитого кмета продолжают получать возмещение ущерба от убийства их сородича в размере половины штрафа. Однако в случае убийства привилегированного человека весь штраф идет князю. В случае ненахождения убийцы его родственники платят половину штрафа независимо от того, кто был убитый — кмет или племенитый человек. Относительно убийцы кмета прибавлено, что родственники обязаны платить только при отсутствии наследников, т. е. семьи, потому что наследуют по закону не родствен-

ники, а именно семья, самая настоящая моногамная христианская семья.

Кстати, Винодольский статут ни разу не упомянул термин «задруга», хотя в термине «племя» мы могли заметить некоторые черты большой семьи, иначе задруги, но лишь с большими оговорками: отдельные малые семьи существуют и самостоятельно, выделившись из большой семьи. Брат и сестра могут быть свидетелями друг за друга, если они живут сами по себе, в разделе. Предполагается, что они могут жить и вместе, но тогда они не имеют права выступать свидетелями друг за друга.

Конечно, при определении состояния винодольского общества нельзя не считаться и с этими пережиточными чертами, но нельзя забывать, что перед нами лишь остатки прошлого, что они нисколько не определяют основного характера данного общества.

Необходимо помнить, что Винодол XIII в. прекрасно знает частную собственность, передачу движимого и недвижимого имущества по наследству, наследование по закону семьи и полное отсутствие прав на наследство родственников, право распоряжения имуществом независимо от родственников, переход выморочного имущества государству. Налицо и следствия, рожденные институтом частной собственности, — имущественное неравенство и классы.

Вполне понятно, что при данных условиях неизбежно должно было появиться и государство. Оно и появилось. Явные следы существования Хорватского государства мы можем наблюдать еще до IX в.

Истории Хорватского государства посвящена недавняя работа проф. Г. Новака, сумевшего собрать большой материал и осветить историческую жизнь Далмации со времен неолита до XVI в. включительно.

Как отметил В. И. Пичета,¹ главное внимание автора этой книги обращено на политическую судьбу Далмации. Внутренние отношения остались в книге нерассмотренными.

Для меня в настоящей работе наблюдения проф. Г. Новака имеют большое значение. Он сообщает факты политической жизни, которые отсутствуют в изучаемом мною источнике, богатом зато материалом по истории общественных отношений.

Мои наблюдения подводят базу под политическую историю Далмации, часть которой составляет Винодол. И сейчас я с большей уверенностью могу делать свои собственные выводы.

¹ Пичета В. И. Вопросы истории, 1947, № 4, стр. 126—129.

Считаю необходимым прежде всего напомнить, что Далмация, находясь в составе Римской империи, пережила период рабовладельческого строя. Славяне, появившиеся здесь в половине VI в., начали сливаться с иллирами, привлекая их на свою сторону некоторыми чертами своего общественного строя, столь непохожего на рабовладельческий.

На новых местах славяне оказались в сложных и трудных условиях. Однако насколько можно судить по результатам последующего времени, славяне с этими трудностями справились, найдя общий язык с местными народными массами.

Наследие от времен прошлых, успешный рост собственных производительных сил, наконец, внешняя опасность — подготовили почву для создания нескольких балканских государств раннесредневекового стиля. Это были уже не рабовладельческие государства, а государства, выросшие в борьбе с рабовладением, государства, какие в период раннего средневековья возникли во всей Европе на развалинах рабовладельческой Римской империи. Мы имеем все основания считать эти государства полупатриархальными — полуфеодальными, иначе феодализирующимися. Их часто называют довольно неопределенным, мало выразительным термином — дофеодальными. Сущность их заключается в том, что в недрах этих государств, где еще полностью не успели созреть феодальные отношения, осталось много элементов общинно-патриархального строя, заметно уступавшего, однако, под натиском растущего феодализма.²

По мере созревания феодализма обнаруживались его следствия. Окрепшие экономически и усилившие свое политическое могущество феодалы обессилили власть королей, часто приводили государство к распаду.

Ту же картину мы можем наблюдать и в истории феодальной Далмации.

Винодол, как политическая единица, выделившаяся из Далмации, несомненно, такого же происхождения. Это осколок недавнего целого. Осколок, благодаря усилиям своего собственного феодального класса приобретший форму маленького государства, подобного тем, на какие дробились и другие государства Европы в период ослабления власти королей и усиления могущества феодалов.

Постоянные покушения со стороны на суверенитет этого небольшого и неспособного оборонять себя от более сильных соседей княжества заставило винодолских феодалов искать защиты у соседей, какими были Венгрия и Венеция.

² С. В. Юшков сделал попытку изучить структуру таких государств («Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 45—66).

Но винодолцы дорожили своим старым правом и сумели отстоять его от всяких покушений извне. В такой обстановке, как мы уже видели, появился Винодолский статут. Содержание его, довольно детально представленное в настоящей работе, может быть правильно оценено только при учете всех обстоятельств внутренней и внешней жизни Винодола.

Не может быть никакого сомнения в том, что в XIII в. в Винодоле черты патриархального строя ступевались весьма значительно и уступили место феодальным. Перед нами, несомненно, только пережитки патриархального строя, пережитки, в научно-познавательном отношении очень интересные.

Мы имеем все основания обращаться к Винодолскому статуту в целях уточнения наших представлений об общине вообще и славянской в частности. Но мы далеки от тех «мечтательных преувеличений значения общины», о которых говорил В. И. Ленин в своей борьбе с народниками.³

Винодол — один из многих образчиков феодального княжества, выросшего на рубеже античности и средневековья, и вместе с тем Винодол славянское княжество, т. е. интересный объект для изучения медиевисту вообще и историку-слависту в частности.

Но в то же время нельзя забывать, что община отнюдь не только славянское учреждение. Уже Маркс в свое время категорически возражал против «забавного предрассудка, будто бы форма естественно развившейся общинной собственности является специфически славянской». ⁴ «Община в России, — писал Маркс, — абсолютно, до мельчайших деталей тождественна с первобытной германской общиной». ⁵ Русская община — «эквивалент германской общине». ⁶ Византийская община, находившаяся в состоянии глубокого упадка, расцвела новой жизнью в связи с появлением и победой славян на территории Византии. Как мы могли не раз в этом убедиться, хорватская община, как и община в других частях Византии, стала опорой феодального государства. И нужно отдать справедливость, византийская власть прекрасно поняла значение общины и опасность от усиления феодальной знати. Византийские императоры X—XI вв. защищают общину от покушения феодалов, общинную землю — от освоения феодалами, крестьян — от полного закрепощения. Правда, феодалы продолжали свое наступление, но они, несомненно,

³ В. И. Ленин. Собр. соч., I, стр. 251.

⁴ Маркс К. К критике политической экономии. Партиздат. 1932, стр. 55.

⁵ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 126—127.

⁶ Там же. т. XXVII, стр. 693—694.

должны были считаться с политикой императорской власти. Изучение Винодольского статута не только не расходится с этими положениями,⁷ высказанными в недавней ценной работе Е. Э. Липшиц, но полностью подтверждает.

Выше мне уже приходилось указывать на то, что Винодольский закон не дает нам сведений о внутреннем строе общин. Только по косвенным указаниям нашего источника мы можем видеть, что община в значительной мере уступает требованиям жизни и постепенно теряет свои архаические черты. В XIII в. мы застаем ее в состоянии, далеко не целостном. Однако она живет, выполняя ряд функций, необходимых государству.

Государственная власть, насколько можно судить по Винодольскому статуту, имеет дело не с мелкими общинными единицами (село, деревня), а с довольно значительными объединениями этих единиц под главенством города.

Изучение славянского общественного и политического строя в настоящее время уже не преследует тех широких, неразрешимых и произвольно поставленных целей, какие ставили перед собой старые слависты, наивно уверенные, что, например, путем совокупления наблюдений над жизнью всех славянских народов можно понять «дух» славянства вообще. Несомненно, этими мечтателями-славистами руководило желание понять исторические судьбы славянских народов, но несомненно и то, что они подходили к решению своей задачи не с теми средствами, какие могли бы гарантировать им успех.

Тем не менее люди, подобные Мацеёвскому, Коллару, Шафарику, Бодянскому, Погодину и многим другим, несмотря на их увлечения, сделали большое дело. Они подняли интерес к славянству, заставили историков всех народов считаться со славянством, как с творцом своей собственной самостоятельной культуры, ниоткуда не заимствованной, со славянством, внесшим большой вклад в мировую культуру.

Мы сейчас прекрасно знаем, что славяне, как и другие так называемые «варварские» народы на рубеже античности и средневековья играли роль омолодителей одряхлевшей цивилизации. На востоке раньше, чем на западе началась борьба с рабовладельческим строем. Там принимали в этой борьбе участие армяне, иберы и другие народы Закавказья. Славянам пришлось завершить эту борьбу. Ославянение значительной части Восточной Римской империи, ее феодализация — это дело славян.

⁷ Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация, стр. 142—143.

Отказываясь от увлечений старого поколения славистов, мы отнюдь не отказываемся от самого тщательного изучения всех сторон культурной, общественной и политической жизни всех славянских народов. В процессе этого изучения мы убеждаемся в наличии некоторой культурной общности славян, и этот вполне обоснованный вывод позволяет нам смелее ставить и решать вопросы в истории каждого из славянских народов.

К числу таких вопросов, между прочим, относится и пресловутый норманизм, игравший в изучении России столь заметную роль начиная с XVIII в. и едва ли не до наших дней.

Чем глубже мы знакомимся с историей славян, чем больше привлекаем славянских источников для решения проблемы об эволюции права славянских народов, тем яснее становится для нас и содержание Русской Правды.

Едва ли кто-либо станет сейчас повторять заблуждения старых ученых, увлеченных норманской теорией, о том, что Русская Правда создана варяжскими князьями по образцу северных германских законов.⁸ Эту старую норманскую теорию разрушили не только новые, хотя и очень скудные показания письменных источников, но только красноречивые материалы археологические, но и значительные успехи славяноведения.

Кому придет в голову, например, повторять грубую ошибку Н. П. Бауера, объяснявшего происхождение термина Русской Правды «скот» от древнегерманского *Scatta, Scatts, Scattre* — деньги,⁹ когда этот термин Русской Правды просто и убедительно объясняется из славянской старины, когда скот у славян в древности и был деньгами, подобно тому, как *pecus* у римлян дал *pecunia*. В Винодольском статуте штрафы взимаются нередко альтернативно — либо деньгами, либо скотом (волами), либо просто волами, овцами.¹⁰

В этой связи на одну из статей Винодольского статута обратил свое внимание и Ягич. Это статья 49, очень напоминающая ст. 16 Краткой Русской Правды. Ст. 16 Русской Правды говорит о разыскивании пропавшего челядина. После третьего «свода» истец может взять челядина, а тот, кто его купил, добросовестно не зная, что это беглый, должен искать свои деньги при помощи свидетельских показаний («а ты своего скота ищи при видоце»). В ст. 49 Винодольского статута говорится о поисках украденного скота с участи-

⁸ Strube. Discours sur l'origine et les changements des lois Russiennes. То же у Шлецера, Погодина и других норманистов.

⁹ Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды. Вспомогательные истор. дисциплины, 1937.

¹⁰ Ст. ст. 51, 52, 58.

ем пристава. Если животное будет найдено мертвым, и частью мяса его уже кто-нибудь воспользовался, то оставшееся мясо переходит к приставу, а хозяин убитой скотины пусть ищет своей правды («ищи свое правды»). Совершенно справедливо по поводу этой статьи и замечает Ягич. Она, по его мнению, «носит отпечаток глубокой старины, она напоминает те времена, когда еще «скот» и тому подобные вещи в действительности употреблялись в смысле денег (сл. «скот» Русской Правды)». «Впрочем,— продолжает тот же автор — подобные случаи повторяются часто и в других статутах...»¹¹ (Далее идут примеры — Б. Г.). Кому приходилось читать русские купчие XV в. и даже XVI в., несомненно бросались в глаза факты приплаты («пополнок») за купленную вещь мелким скотом.

Это только один пример. Но ведь мы уже могли убедиться, что таких примеров можно привести очень много. Если бы мы поставили себе задачу провести параллели между Русской Правдой и древними славянскими законами, мы убедились бы, что право славянских народов имеет общие корни не только в отдельных институтах, но и в терминологии. Таковы, например, термины: вервь, ближики, братучадо, говедо, вражда, знамение, правда, закон, клич, мечь, рота, татьба, тяжа (тужа) ураженье и др.

Когда мы встречаем эти термины у южных славян, с норманнами не имевших ничего общего, то раз навсегда отпадают все старые попытки объяснить происхождение, например, терминов «вервь» от германского корня *Warf* или *Hwarf* «вира» — от *vergeld*, скот — от *Scatt* и т. д. Одного Винодольского статута для каких-либо широких обобщений, конечно, мало. Однако и он, как источник, аналогичный Русской Правде, позволяет заглянуть во внутреннюю жизнь одного, хотя и очень миниатюрного, славянского государства, сохранившего в себе много черт старины, уже успевших исчезнуть в Русской Правде.

Перед нами стоит очень интересная проблема. Чем объяснить, что в Русской Правде, памятнике, в основном XI—XII вв. (если не считать более ранней части Краткой Правды), осталось пережитков родового строя значительно меньше, чем в Винодольском статуте, совершенно точно датированном 1288 г.

Мне кажется, что решение этой задачи подсказывается общими условиями, заставлявшими Русь жить более интенсивной жизнью. Успешное создание огромного по размерам Киевского государства, грандиозные задачи, стоявшие перед

¹¹ Ягич В. В. Закон Винодольский, стр. 67, прим. 133.

ним в деле защиты от внешних врагов, потребность в организации внутригосударственных отношений — несомненно ускорили рост производительных сил.

Не может быть никаких сомнений в том, что в отдельных частях Киевского государства, особенно вдали от магистрали Днепр — Волхов, общественные отношения стояли на более низком уровне, чем те, которые отражены в Русской Правде, кодексе, составленном в наиболее культурных центрах Руси (Киев — Новгород).

Винодольское княжество развивалось в условиях гораздо менее сложных и не столь бурных. Кроме того, винодольское общество, вынужденное подчиняться чужой власти, было весьма заинтересовано в том, чтобы сохранить в своем обиходе как можно больше родных, освященных стариной черт. И это стремление винодольцев увенчалось успехом. Статут донес и до нашего времени осколок славянской старины, для всякого историка, не только слависта, весьма интересный и ценный.

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. Вводные замечания	3
II. Хозяйство	9
III. Общественный строй	20
1. Предварительные замечания	20
2. «Племя» и «ближники»	22
3. Вещное и наследственное право	24
4. Люди племенитые	35
5. Служилые люди князя	38
6. Кметы	40
7. Рабы	46
8. Город и община	48
IV. Община и церковь	53
V. Государственный строй	56
1. Князь	58
2. Аппарат княжеской власти	65
3. Князь и община	68
VI. Суд	73
1. Суд князя	74
2. Суд общины	75
3. Преступление и наказание	78
4. Процесс	84
VII. Важнейшие выводы	92

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
15	16 сн.	«урикав»	«црикав»
"	23 сн.	oīo5	oīxo5
21	4 сн.	Jugoslavenska	Jugoslavenske
98	19 сн.	Hwarf	Hwarf,

Б. Д. Греков

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

Редактор Издательства *Ц. М. Подгорненская*. Технический редактор *И. И. Карпов*.
Корректор *В. Т. Макаров*.
РИСО АН СССР № 3223. А-5415. Подп. к печати 26/VI 1948 г. Издат. № 1729.
Формат бум. 6×9²/₁₆. Печ. л. 6¹/₄. Уч.-изд. л. 6,8. Тираж 3000. Зак. тип. 904.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10